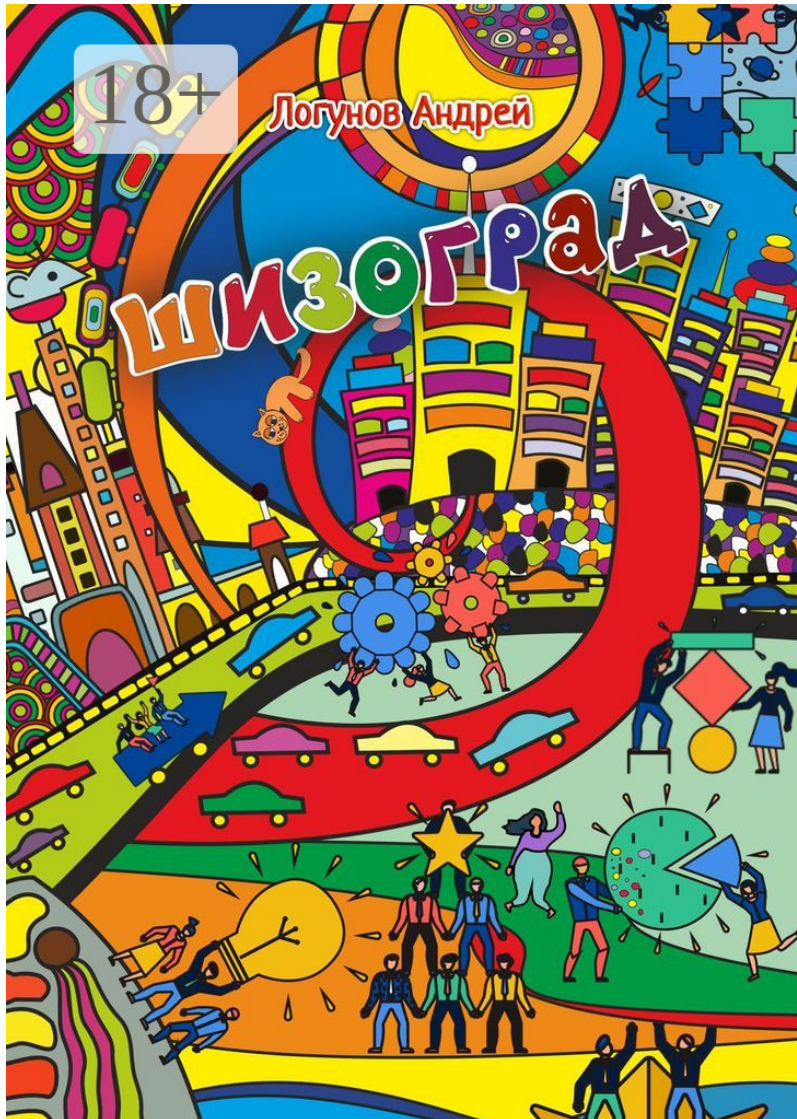

18+

Логунов Андрей

Шизоград

Андрей Логунов

Шизоград. Город абсурда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63754192

ISBN 9785005184023

Аннотация

«Шизоград» – это сборник необычных коротких рассказов в жанре литературного абсурда. Не связанные друг с другом общим сюжетом истории повествуют повседневную жизнь небольшого города, наполненного глупыми и нелепыми ситуациями, в которые попадают главные герои. Описанные особым стилем приключения позволят вволю разыгаться воображению каждого, кто решит узнать немного больше об этом необычном месте и сможет дать своему читателю позитивный настрой и вдохновение в различных творческих начинаниях.

Содержание

Война с сиренью	6
Велосипед в гараже	12
Бабушка с крокодилом	18
Загар на лице	25
Лестница в сарае	32
Птичка на фонарном столбе	39
Грустный бородач	46
Пол на потолке	55
Женщина в очереди	63
Жижа в лесу	70
Популярный музыкант	77
Запах в коридоре	84
Клоун на распродаже	91
Тень и любовь	98
Летнее отопление	105
Лужа в тени	113
Хитрый план*	120
Сочный путь*	127
Губки в пене*	132
Программа передач*	138
Разметка на асфальте	145
Конфликт пьяных дев*	152
Чёрная кнопка	159

Отпечаток пальца*	167
Кролик в ролике	174
Агент на крыше	181
Конец ознакомительного фрагмента.	186

Шизоград

Город абсурда

Андрей Логунов

Посвящаю моей любимой супруге Елене

Надежда Преснякова *Редактор*

Екатерина Посохина *Дизайнер обложки*

© Андрей Логунов, 2021

© Екатерина Посохина, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-0051-8402-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Война с сиренью

У Скорлупа под окнами начала расти сирень. Быстро, активно и перспективно. Каждое утро он заходил на кухню, подходил к окну и грустно выглядывал наружу. «Скоро и цвести будет, как назло», думал Скорлуп, закрывая форточку на щеколду. С этим срочно нужно было что-то делать!

От обильной поливки даже сорнякидохнут, по крайней мере, так пишут в глянцево́м журнале областного центра. Скорлуп вылил в лейку остатки хлебного кваса из двухлитровой бутылки и вышел на улицу.

– Что это ты делать собрался? – спросил сосед Шурупан.

Шурупан всегда выходил в это время из подъезда посидеть на скамейке и почесать живот в районе пупка.

– Сирень заливать собрался, – хмуро ответил Скорлуп, тоном намекая, что диалог их завершён.

Лейка закончилась быстро, кваса явно недоставало. Вернувшись домой, Скорлуп начал поиск жидкостей, которые не жаль было бы истратить в борьбе с зелёным врагом. Уксус, чайный гриб, забродивший вишнёвый компот и тёмное растительное масло, которое хозяин сливал каждый раз из сковородки, после жарки картошки с кленовыми листьями и каштанами. Смешав всё это в пятилитровую бутылку и разбавив до края ржавой жёлтой водой из-под крана, Скорлуп совершил второй заход в палисадник к ново выращен-

ной сирени. На этот раз лейки не потребовалось. Опустошив бутылку полностью, хозяин вернулся домой и в полной уверенности, что война со злым растением закончена в пользу человечества, улёгся дремать на деревянные поддоны, которыми были заставлены все комнаты квартиры.

К вечеру ситуация не изменилась. Сирень росла, набиралась сил, обзаводилась новыми сумочками и активно спешила к скорейшему процветанию. Скорлуп был в ярости. Слив бензин с машины вымогателя, пока тот был в магазине, покупая пластиковые бамперы, и разбавив всё это берёзовым соком, вновь пытался перекормить растение ядовитой жидкостью. Без толку.

Три последующих дня Скорлуп перепробовал ещё огромное количество разнообразных смешиваний и поливок, но всё как коту под хвост. А от некоторых химических соединений сам лишился части волос на ногах и покрылся мелкими прыщами от газовых выделений во время производственного процесса.

Шурупан, сосед по лестничной клетке, с каждым днем настораживался сильнее. Во-первых, не понимая, что это за странное занятие нашёл себе ленивый Скорлуп.

Так ещё, во-вторых, придавал страха тот факт, что почва вокруг сирени по ночам начинала светиться. На третий день Шурупан сел за стол и начал писать жалобу губернатору, о том, что сосед вместо того, чтобы вызвать соответствующие органы по борьбе с уличной растительностью, неле-

гально разводит опасные средства и травит всех в округе. Жалоб, возможно, было бы и больше, так как дом был многоэтажный, но на верхних этажах никто из людей не проживал, двери были забиты, а комнаты занимали старые голуби.

«Да... жаль голуби писать не умеют и подписей у них не собрать», - печально думал Шурупан, в очередной раз наблюдая с лавочки борьбу соседа с нежелательным ему растением. Подпись свою временно ставить не стал, решив ещё пару дней подождать, обдумать и получше переписать донесение.

Скорлуп же не уступал, экспериментируя и разливая различные гадости под Сирень, которая к тому времени уже загоразивала весь обзор из окна, так сильно любимый владельцу квартиры: гаражи и свалка пластикового мусора от завода производителя полиэтиленовых пакетов. Вид был отменный.

На пятый день, находясь уже на грани отчаяния, Скорлуп стал обдумывать другие способы борьбы с ненавистным растением.

Первыми на ум пришли ножницы, но они были такие тупые, что даже листву срезать было невозможно. Да и мозоли на руках после стрижки ногтей не позволяли, в полную силу задействовать мышцы парника. Так что ножницы были благополучно отправлены обратно в ящик, где и были найдены позднее.

Второй вариант, пришедший на ум – это бензопила

«Гром», которую Скорлупу подарили родственники на юбилей. Но, она, как назло, не работала. Кто же знал, что появится необходимость её задействовать! В пиле отсутствовала часть деталей. Скорлуп, выкручивал из неё винтики, которыми он подкручивал дверные ручки и замки на тумбочках, поэтому части инструмента вообще не были скреплены друг с другом. Заведи её, и пила бы разлеталась по округе с грохотом, ходи потом собирай. Конечно, можно было бы обернуть её бумагой и обклеить скотчем, таким способом пользовался Шурупан, когда чинил свой адронный комнатный коллайдер. Но даже если допустить факт, что пила работала, пользоваться ей всё равно не представлялось бы возможным по банальной причине отсутствия электричества. Скорлуп вообще не оплачивал счета несколько лет и давно лишился привилегии использовать электроэнергию для своих частных нужд. Можно, конечно, попробовать опустить шнур пилы в канализационный люк. Кто-то рассказывал, что там можно поймать блуждающие атомы, но верилось в это с трудом, да и удлинителя не найти.

А последним вариантом был топор. Лежал он уже шесть лет в ванне в углу под кошелкой с грязными платками. Но с тех пор силы у Скорлупа поубавилось, и поднять его было невозможно. Хозяин попробовал его сдвинуть с места, но только надорвал спину, оставив лежать инструмент на том же самом месте. Последняя задумка тоже была отвергнута.

На пятый день, окончательно расстроившись, Скорлуп сел на пол в коридоре и заплакал. Плакал так сильно и жалобно, что звук рыданий заставил продавщицу магазина на соседней улице уйти раньше времени на учёт. Всхлипывая и вытирая слезы с лица тыльными сторонами грязных рук, он увидел рядом с собой какой-то блеск. Присмотревшись получше, он увидел то, от чего его охватила сильнейшая радость. Пуговица от пиджака, потерянная в незапамятные времена, была вот так спонтанно найдена! Он уже и не верил в такой исход. Вскочив и схватив пуговицу в руку, он побежал скорее пришивать её к старому рваному пиджаку. Ещё немного и, возможно, его жизнь кардинально изменится.

Когда деталь была на своем законном месте, а Скорлуп смотрелся в кривое зеркало, восхищаясь своим внешним видом, стрелки часов показали шесть вечера. Самое идеальное время, чтобы посетить престижнейшее мероприятие города, по его мнению, – «Вечерние собеседования».

Выйдя радостным из подъезда и махнув в сторону Шурупана, который возвращался с дневных танцевальных покупок, Скорлуп пробежал улицу и влез в окно красного кирпичного здания с трансформаторной будкой на крыше. Через дверь с обратной стороны он уже вышел с направлением на работу и купоном на переселение в общежитие в другой части города. Переезд не занял много времени, жаль только было оставлять поддоны. Перевести их он был не в состо-

янии, а возможность нанять силачей отсутствовала. Но зато радовало одно: эту гадкую сирень видеть из окна больше не приходилось.

Шурупан, наблюдая переезд соседа, горько вздыхал, почесывая живот и сжимая другой рукой так и не подписанное донесение. «Прошла эпоха», – думалось ему.

А сирень и по сей день растёт там же, светит и работает.

Велосипед в гараже

Тишину улицы нарушали громкие звуки столкновения. Удары были такие сильные, что разбудили почти всех посетителей перрона. Народ часто собирался там подремать и посмотреть после пробуждения, как поезда ездят задним ходом, а машинисты ползают в оранжевых футболках по плешивым газонам у бетонного забора. В этот раз все проснулись раньше обычного и были неприятно удивлены. Смотреть в этот час было совершенно не на что.

Звуки же доносились за входом возле круглого пластикового гаража со стеклянным матовым куполом по центру. Источником шума был парнишка на велосипеде, хозяин этой конструкции. Звали его Тубодыр.

День был странный, все чувствовали себя какими-то потерянными и отрешёнными. Вот и Тубодыр, как назло закружившись, стал забывать важные вещи. К примеру, из памяти вылетело умение заезжать в гараж. Как это делать и где вообще находится вход, Тубодыр никак не мог вспомнить.

Отъехав на достаточное расстояние, он разогонялся и со всего маха на полном ходу ударялся в гараж. Как правило, велосипедист перелетал через руль и ударялся лицом в стену конструкции или же вообще отлетал в противоположную сторону от своего транспортного средства.

«Может быть через дерево?» – подумал Тубодыр, вновь

отъезжая от гаража. Сосредоточился, разогнался, но только погнул переднее колесо и порвал защитный комбинезон. Да ещё и за сук зацепился и, обматерив всех своих знакомых гусей, вырвался, оторвав часть ткани. Злость переполняла, грозя прорваться через бейсболку.

«Завтра же приеду и спилю, к чёртовой соседке», – бесился велосипедист, обдумывая новые способы попасть внутрь.

Следующий удар пришелся на старые картонные вывески, аккуратно сложенные на тротуаре. Врезаться в них было одно удовольствие, но цель стояла другая. Тубодыр решил обязательно в следующий раз приехать, исключительно, ради них и немного поударяться в своё удовольствие. Сегодня же времени на это совсем нет. Пожалуй, даже если вспомнить и попасть внутрь, обратно-то, поди, тоже придется выход искать, а в гараже особо не разогнаться. Это, конечно, если вход и выход вообще связаны хоть как-то с разгоном. «Но зачем тогда вообще разгон придумали?», думал Тубодыр. Решив, что ещё разок попробовать будет не лишним, он вновь разогнался и врезался в уже изрядно помятые вывески, разорвал картон в некоторых местах. Теперь, кроме как для очередных поисков входа в гараж, применить их было нельзя.

На очереди витрина магазина головных уборов. Разогнаться возможности не было, так как находится она напротив прилегающей стены заброшенной поликлиники. Но можно попробовать закинуть велосипед в отражение

в стекле. На этом Тубодыр и решил остановиться. Велосипед был неподъёмный, всё это из-за прикрепленного на руле десятикилограммового прожектора. Прожектор был неработающий, но выглядел эффектно, снимать его велосипедист не хотел. Собрав всю силу в пучок, он оторвал своего железного единорога от земли и попытался раскрутить перед броском. Но руки удерживать такой аппарат, да ещё и с дополнительным весом, долго не смогли, и он в ненужный момент на большой скорости улетел в стекло. Посыпались осколки, и звон разнёсся по округе. Вход в гараж снова был недоступен, напададо отчаяние.

Зрители с перрона бурно зааплодировали. Тубодыра это обрадовало. Пожалуй, нужно устроить им шоу.

Начал он с приседаний отложив велосипед в сторону. Изящные движения в купе с похрустывающими коленями. Подниматься было тяжело. На втором подъеме Тубодур придумал использовать какую-нибудь опору, но всегда разную. Третий раз вставая, он опёрся на палку, лежавшую рядом. Вставая после этого, он собрал из камней кучку и отталкивался от неё. Следом в помощь пошли провода, зеленые кирпичи, пластиковые окна и т. д. Больше девяти раз его на это не хватило, да это было и не нужно. Во-первых, закончились средства помощи, во-вторых, хорошего понемножку. Выпрямившись после спуска, он перешёл к легендарному своему умению срывать листья. Шесть минут, двадцать четыре листочка. Есть рекорд! Публика была в восторге. У некоторых

от активных хлопков, даже припухли ладони, но все были счастливы. Была ещё идея показывать карточные фокусы, но карт не нашлось. Да и публика переключила свое внимание на выползавших на газон машинистов, время как раз подходило соответствующее.

Тубодур сплюнул и начал обдумывать очередные способы поиска входа в гараж. В урне для бычков, он нашёл большую связку резинок, которыми скрепляют между собой пачки вышедших из обращения бумажных монет. Связав их между собой, он сделал длинную упругую веревку, которой обвязал ствол стоявшего поблизости дерева. Другой конец он привязал к багажнику своего велосипеда. Проверив, что всё держится хорошо и прочно, он сел на седло и немного покрутил педали в обратную сторону. Затем поправил комбинезон, почесал лоб и крепко зажал руками руль. Усилие, ещё одно, и ещё одно, и железный единорог начал стремительно набирать скорость, равно удаляясь от места расположения дерева. Резинка постепенно начинала натягиваться, а педали в какой-то момент крутить стало совершенно нереально. Велосипед ещё некоторое время спешил вперёд по инерции, но, когда натяжение стало максимальным, затормозил и пулей полетел в боковую сторону.

Тубодур закрыл глаза и улыбнулся. Чувство невесомости и беззаботности охватило его тело и душу. Он наслаждался полётом, хотя и не видел совершенно траектории. Тубодур расставил руки в стороны и стал махать, представляя себя

воробьём. Но, как известно, воробьи – птицы скоростные. Вот и он очень оперативно вернулся туда, откуда начинал свой заезд. Сам, конечно, не ушибся, успел сгруппироваться, закрыв тело «крыльями». А вот велосипед немножко пострадал. Заднее колесо из привычного овального состояния стало похоже на полумесяц, а описывать, что стало с сиденьем и рамой вообще страшно.

Другой бы владелец отчаялся и Тубодур последовал бы этому примеру, но во время полёта ему в голову пришла гениальная идея. Нужно попробовать закинуть велосипед сверху. Да, там крыша, ни окон, ни дверей. Но нужно попытаться. Да и потом были же случаи, когда в дома попадали гости, например букашки, хотя и окна, и двери были закрыты. Шанс есть и глупо им не воспользоваться.

Тубодур поправил на велосипеде все детали, которые ему казались плохо отрегулированными, размял руки и ноги и в очередной раз за день поднял велосипед. Но теперь куда выше, чем, когда целью была витрина магазина головных уборов. С небольшого, но сильного разворота, резкого, что аж он лишился правого кроссовка, Тубодур, что есть мочи, запустил один объект на другой.

Полет был эффектным, но не долгим. Вместо того, чтобы благополучно приземлиться на кончик купола, велосипед, зацепившись за мусор, висевший на проводах над гаражом, повис на шнурках бесхозных кед, прямо над центром крыши гаража. Плавно качаясь, показывал владельцу, что спус-

каться в ближайшее время не собирается и вообще отлично проводит время. Владелец данного чуда протёр глаза и снова сфокусировал зрение на увиденном. Вроде бы цель не достигнута, но всё равно все как-то удачно складывается. Сначала его начало переполнять сомнение, но позже оно сменилось гордостью за результат.

Владелец велосипеда и гаража улыбнулся довольной улыбкой и смял белый кофейный воротничок. А после, когда дым от билета наполнил улицу густым едким туманом, хоть серпом снимай, он отправился восвояси пить рябиновый сок вприкуску с утиным сыром и смотреть любимые передачи в окнах соседей напротив.

День подходил к концу, зрители на перроне уже начинали расходиться по домам, обсуждая впечатления от увиденного в очередной раз движения поезда. А над городом нависало чёрное полотно космического пространства.

Наутро приехали рабочие на самосвале, подняли круглый купол постройки, соединили снизу другим круглым полукуполом и укатили получившийся огромный, полый, но тяжёлый шар за город, выравнивать грунтовые дороги до полей и дачных участков.

А что до гаража Тубодура: да не было у него никакого гаража, странный он.

Бабушка с крокодилом

Раскладушек сегодня с утра в парке было на редкость немного. Автомобили открывали свои багажники для сушки плетеных корзин, а марафонцы хрустели пальцами под сухими берёзами.

Бабушка Лампаша, как и всегда вот уже последние семьдесят семь лет пугала в парке голубей своим плюшевым синим крокодилом. Ещё она любила подкармливать крошками сахара, ручных тараканов. Они, в основном, были коричневые с красными пятнами и почти всегда больные насморком.

Обычно тараканы пищали и напевали песню про асфальт, подползая к любимой старушке, но сегодня вторник, а именно в этот день, у них по плану водные процедуры, и в парке их не найти.

Время бабуля проводила в этом месте не долго. Обычно она бегала по кругу, размахивая крокодилом над головой с криками и визгом, пиная ежедневники и пустые раскладные стаканчики. А набравшись достаточного количества энергии, начинала распугивать сонных голубей. Попугав перед своим уходом, она садилась на корточки, если, конечно, было свободное место на трубах. Там обычно собирались молодожены и кукарекали стихи, а иногда их и квакали. А уже потом, когда суставы начинало ломить, шла домой и вязала для крокодила новую кофту.

В поход бабушка Лампаша кофту никогда не надевала. На все связанные вещи давала объявление о продаже на сайте новостей. А через неделю сама у себя покупала и неаккуратно складывала в книжный шкаф. Если, конечно, кто другой не хотел купить. Но ему бабушка Лампаша отказывала, а свитера, которые хотели у неё выкупить, смывала в пруд за лабораторией.

Шкаф, в который она складировала невостребованные крокодиловые вещи, был один, но большой и розовый. С железными ржавыми ручками, отбитыми углами и резьбой с изображением снежного человека по центру и геранью цветущей, но безлистной, на тыльной стороне задней стенки. Причём стенка эта держалась, верите или нет, на старых проводах от зарядки стационарного телефона.

Хотя свитеры были небольшие, пусть и цветные, но ни много, ни мало переполняли полки книжного шкафа, периодически вываливаясь на песок. Когда же уже и складывать их было некуда, и песок был выпачкан, её выручали волонтеры кубической сферы. Они контролировали процесс наполнения шкафа в телескоп со спутника. В нужный момент набирали номер квартиры на счетах и сообщали кому следует, что бабушке Лампаше нужно обновление. Оперативно из спортклуба на первом этаже приходили подкаченные уставшие ребята, натирали руки мукой, подтягивали брюки клеши к подмышкам и уносили переполненный шкаф на выставку породистых уток. А из бесхозной фанеры, найденной

на свалке, на следующий день собирали новый шкаф для заполнения. После сборки аккуратно отбивали уголки, обливали ручки химическими растворами для скорейшего вызова ржавчины и крепили заднюю стенку на привычные всем провода. Перед уходом стряхивали с рук муку обратно в банку с мёдом и спускали брюки на прежнее место к коленям. Бабушка всегда томным взглядом наблюдала за этим процессом, почёсывая зубной щёткой вязаную спинку крокодила. Иногда улыбалась, а иногда расстраивалась. Жизнь у неё была разнообразна на эмоции.

Прощаться ребята с бабушкой не любили – так у них не было принято, просто называли, каждый по названию города и возвращались обратно в спортивный клуб шевелить ушами.

После их ухода бабушка Лампаша протирала шкаф бритвой и подкручивала банки на верхней полке. «Столько пустующих мест», – думала бабуля, планируя, что бы такого сшить любимому крокодилу в следующий раз.

Наблюдатели со спутника в этот момент расслаблялись. Можно было несколько минут отдохнуть от наблюдений и сложить домино обратно в мешок с пластинками. Заполнения процесс начнётся не сразу, а значит, и переобуться все успеют, не торопясь. Что на несколько минут остановлено наблюдение знала и бабушка Лампаша, воспользовавшись, как всегда, моментом, она ложилась на стену и произносила заклинание о скорейшем возвращении с похода бродячих

плошек. Те всё ещё никак не возвращались, но в заклинание она верила всем сердцем. А если лечь головой в сторону городской администрации, то можно было поймать платную подписку на концерт. Но это нужно иметь потрясающую врождённую удачу. Таких людей отродясь никто не видел, поэтому и на концерты никто никогда не прикатывался.

К вечеру, когда уже и голуби приходили в норму от стрессов и хруст пальцев марафонцев сменялся чавканьем таксистов, бабушка Лампаша садилась перед выходом с половником и ждала наступления ветра. Самое опасное, что могло бы случиться, если это негодяй подует на единственную её ценность – бедного крокодильчика. Когда входная дверь начинала постукивать об батарею, бабушка тыкала, словно саблей, в сторону врага. Этим же занимались и её соседи, единственное сходство сожителей дома. Победа врага отмечалась массовыми гуляниями по крышам сараев, распитием речной воды и просроченными закусками из армейских пайков. Но гулять долго бабушка Лампаша не оставалась. К утру нужно было успеть довязать новый свитер и не опоздать прикатиться к нужному времени в парк.

Она только раз опоздала и знала, какими санкциями для неё может снова это закончиться. В прошлый раз её лишили вилок, которыми она доставала маринованные помидоры из банки. А одним половником сражаться с врагом было не так весело. Так что очередное опоздание грозит вообще лишением всех радостей жизни.

Когда свитер уже был связан, а чайные ложки сложены обратно в печку, бабушка Лампаша подвязывала на руку свой самый красивый галстук и выходила через сад на кирпичную дорогу, ведущую в парк.

Крокодила она несла на спине, привязывая к лапам спагетти для удобства транспортировки. Если спагетти отпутывали, подходили обычные колечки, которые она склеивала гелем для душа. Удобство превышает всего!

Если это был не вторник в кармане всегда находился сахар для тараканов, которые радостно подползали, что сидевшие на коробках сторожи и дворники начинали умиляться и плакать. Вообще они плакали почти всегда в это время, правда, без умиления.

Бабушка Лампаша, доставала сахар и посыпала головы таракашек. Пока те понимали, что происходит, она гоняла голубей. Можно подумать, это она делала специально, чтобы они ей не мешали пугать птиц, но это совсем не так. Бабушке Лампаше вообще никто никогда не смог бы помешать пугать птиц. В этом она была профессионалом и работала по профессии. Ещё в детстве, выбирая какое низшее образование получить, в уме всегда крутилось только то, что связано с запугиванием и птицами. Производственную теорию она так же проходила в этом парке и знала его как свои две брови. Так что, в этом ей равных не было.

Возвращаясь домой и наблюдая в зеркало заднего вида за голубями без сознания, её всегда переполняло чувство вы-

полненного долга. Сегодня она ощущала это особенно сильно, так как день был невероятно ясный, жаркий и результат трудов было видно ещё лучше.

Солнце темнило настолько сильно, что температура поднялась на светлых участках аж до максимально возможной отметки в дневнике. Мало кто это заметил. Правда все стали надевать шляпы потеплее и накрываться мхом, однако, не задумываясь, почему так.

Придя обратно домой, бабушка Лампаша положила крокодила не на своё привычное место, а на раковину, так как поторопилась за чайными ложками. Обычно крокодила она прятала под холодильник, а в этот раз почему-то забыла. Кухня находилась, как раз в том месте, где всё нагревалось. Бедный крокодильчик, сначала немного пыхал и вздувался, напоминая, что тут ему не место. А через несколько секунд стал медленно плавиться, превращаясь в красную вязкую массу. Через некоторое время от него вообще ничего не осталось, кроме пятна на раковине и жижи на принтере. Необходимость в вязании свитеров отпала в одно мгновение.

Расстроилась ли бабушка Лампаша? Наверное, нет. Сначала она и не поняла, что случилось, продолжая разливать по комнатам морковный суп. А после нескольких дней на автомате вязала цветные и прозрачные свитера. Только пугать голубей ходить перестала. Видя, что крокодила нет, она думала, что он уже спрятан под холодильник, а значит, и прогулка окончена.

Какое-то время кроме выходов в парк всё текло, как и прежде: шкаф заполняли не востребованные одежды, пруд за лабораторией – востребованные. Спутник так же, как и раньше, осуществлял наблюдение, а подкаченные ребята готовились к выносу и сборке, потирая руки мукой из банки с мёдом. Ветер по вечерам сражался с половником, соседи устраивали вечеринки на крышах с закусками и выпивкой, периодически перенося место дислокации на деревья. Дворники и сторожи плакали, а марафонцы хрустели своими длинными пальцами.

Но только бабушка Лапаша перестала ходить в парк и пугать бедных несчастных голубей. А ведь они были пуганные с рождения и жить без этого не могли. Но что ж поделать? Стали они пугать себя сами, пусть и неумело.

Загар на лице

Дулекача лежала на крыше сарая и смотрела в сиреневое, заполненное облаками, небо. Ватные подушки плыли медленно и напоминали любимые её продукты: тушёные куриные хвосты, фаршированные бычьи пупочки и картофельные макароны с творогом. В животе от голода заиграла симфония местного музыканта алкоголика, громко и навязчиво. Есть ужас как хотелось! Но цель была куда важнее голода – загореть. И как можно лучше!

В этом году в конкурсе на самую матовую красильщицу бордюров разыгрывали приз, поездку на новом троллейбусе. Участвовал почти весь город, хоть как-то связанный с этой кропотливой работой. Ни много, ни мало пятнадцать человек! В прошлом году по участию был местный рекорд – шестнадцать, а в позапрошлом никто не пришел, так как об этом конкурсе никто не знал.

Загар сегодня никак не прилипал, а предыдущих дней было недостаточно для полноценного потемнения. В прошлом году было куда проще. Проходил интересный конкурс на ослепительный цвет кожи. И Дулекача тогда заняла второе место, проиграв семейной паре проживающей в подвале маяка. У тех цвет кожи был настолько ослепительный, что при подведении итогов, чуть не ослепли судейские аисты. А приз вручали в сварочных шлемах. То, что давали за пер-

вое место, увидеть было нереально. А за второе место Дулекача получила купон на трехкратный проход в арку дома на центральной улице. Ходить там было можно кому угодно и когда угодно, но официальный проход придавал престижа. Главная мотивация Дулекачи в этом непростом деле, которое охватило её сегодня полностью!

Руки немного краснели, лицо покрывалось синевой, а ноги наполнялись зелёным оттенком. Было ужасно красиво, но страшно. Столько уже пройдено на пути к заветной цели, отступить ни в коем случае было нельзя!

Сама крыша, на которой загорала Дулекача, располагалась очень удачно. Под наклоном к высокому деревянному забору, солнце точно освещало одну половину загоравшего. Было очень удобно дозировано принимать лучи в тело, поочередно на каждую сторону. Таких мест пойдти, поищи! Архитектор явно был математического склада ума. С улицы тех, кто мог находиться сверху, видно не было. Ещё бы какие-нибудь зеваки засмотрятся снизу в трубочки и узнают секретные приёмы загара Дулекачи. Технология приёма света на тело была личным её изобретением. Сначала загорает затылок. Для этого нужно взяться за кончики ног, наклонить голову и открыть рот. Следующий этап начинается, когда возникает чувство покалывания в ушах. Нужно встать на колени, вытянув руки назад. И только с пением перелетных птиц можно расслабиться, лечь на спину и подставить под загар один из боков. Этой технологией пользовалась ещё

соседка жены участкового и после перехода на новую работу с радостью поделилась рецептом с Дулекачей.

Это был пятый и уже последний день, когда можно загорать. По радио сообщили, что после пяти приёмов солнечных купаний, нужно прекратить, иначе солнечной энергии войдет так много, что будешь светиться по утрам по пути на работу. А при свете ворчать и расписывать ручки совсем не получается. Так, что сегодня обязательно нужно завершить победным началом данное мероприятие.

Победа близка. Дулекача перевернулась на другой бок и перекинула канцтовары на противоположную сторону. Мята приятно хрустела под спиной. Это насекомое вообще любит такие места. Найдя хорошую крышу, начинает размножаться побегами, краснеет и хрустит под чьими-нибудь спинами. И этот хруст был самым лучшим в жизни Дулекачи, после звука откупоривания бутылок с воздухом, конечно же. Если бы проводили конкурс на самые приятные запахи, у Мяты были бы все шансы проиграть, потому что в запахах она не очень разбиралась, а вот звук хруст приятнейший. Дулекаче хотелось ещё разок перевернуться, чтобы услышать эту приятную мелодию, но она строго на мягко запретила себе лишние перевороты. Проигрывать не хотелось. Да и вообще, одна девушка так часто переворачивалась, что укатилась в ямный район, где каждую осень выкапывали взрослые ели. А оттуда уже возвращалась на тележке из магазина. О ней ещё рассказывали в передаче «Удиви-

тельные натяжные потолки». Замечательное ток-шоу, только жаль всегда прерывается на самом неинтересном. Один знакомый фокусник рассказывал, что интересные моменты хранятся под замком в наземном пешеходном переходе. Но так как вход туда ещё не построили, и проверять это никто не хотел.

Облака все плыли и плыли, загорая космическую радиацию. Дулекачу даже начало раздражать, что этих облачных объектов так много, а мух в стране так мало. Почему они не сражаются за свои права. Куда приятнее смотреть, как по небу медленно двигают мухи, а худые подростки их ловят в плоски.

Вдали послышался звон самохода – это гости с пакетами приезжали на экскурсию в грузовой транспорт. Обходили достопримечательности прицепа и делали брелоки из щебёнки в форме цифр. Если бы не конкурс, Дулекача тоже была бы там, встречая посетителей с чайником на спине. Каждому нужно было посветить в лицо из лазерной указки и хлопнуть по груди намоченной кисточкой от кастрюли. Гости в этот момент закрывали глаза и пускали носом мыльные пузыри. А в конце экскурсии все становились паровозиком и, перебирая пальцами ног камушки на земле, пытались переместиться обратно на железный лист. В то же самое время, аниматор читал лекцию о правильном нахождении в очереди и безопасном передвижении к кассовому аппарату. Те, кто приезжали с уличными животными сдавали их в прикроват-

ную тумбочку и после мероприятия там, где толпились прикроватные коротышки, образовалась большая масса посетителей, забиравших их обратно. Одному человеку даже отдавили цветок на носке кожаной туфли. Все были взволнованы. А когда масса отправилась туда, откуда приехала и куда не хотела, с неба посыпались разряженные фонарики. Дулекача представила себя там и мысленно помахала перед лицом рукой, на прощание разгоняя колорадских жуков от бархатного одеяла.

Хороший сегодня был день. Насыщенный задачами и планами. Насыщал их астроном из большого стеклянного шприца. Поднимать прибор нужно было двумя руками в рукавицах на синтепоне. Нажимать ничего не следовало – насыщение происходило автоматически от внешнего вида. А уже после данного мероприятия астроном поднимал мизинец выше пояса, и ночь сменялась новым листом на отрывном календаре. Старые числа он размешивал в деревянном сосуде и расплавлял сваркой на восточной стороне запасных деталей граммофона. А когда голова начинала кружиться от перебоев в освещении подъездов, он улыбался нервной улыбкой и пускал всем невымытой ногой водный поцелуй.

В мыслях об этом Дулекача стала проваливаться в сон. Как ни старалась этого избежать, но заснула она так крепко, что сон был неоправданно ясный и естественный. Будто стала она вся ужасно матовой, да так сильно, что весь мир от неё заразился тоже принимать такой оттенок, словно ста-

рое электронное фотоизображение в альбомной стене. Дулекача испугалась. Ещё бы, раз все такое же матовое, как и она, то и победа в конкурсе ей не светит. Она взяла нож для чистки картошки и приготовилась смывать матовый цвет с окружающих. Но не получалось, хотя нож был модный и алюминиевый, а мойку сопровождало обдувание бабочкой на шее воздушными линиями. А потом дома закрутились вокруг памятника, образуя водоворот из поломанных игрушек. Дулекача закричала что есть мочи, возмущившись тем фактом, что она здесь центральный персонаж, а не какой-то там дурацкий, но красивый монумент.

А потом вдруг она проснулась в сухом поту. Крутилось всё так явно и скрыто, что её охватила жажда – она могла лишний раз, перевернуться на солнце. Благо предотвратили это счастье, забытые рядом, каким-то космонавтом, замшевые валенки. Расхохотавшись от злости так сильно, что свело брови, Дулекача посмотрела время в ежедневнике. «Достаточно на сегодня» подумала она и стала собираться. Скорлупки от семечек и старые этикетки она аккуратно положила коробочку для завтраков и в полной уверенности в своей победе села на кресло-качалку и, преступая ногами трещины, поехала на конкурс.

В этом году конкурс проводил под вечер, чтобы все могли успеть потрогать молодые каштаны во дворе бездомного сказочника. И снова победу одержала победу немолодая уже пара, которая из подвала переехала на самый верх маяка.

Там они натирались шёлковыми очками, даже не принимая солнечной энергии. А в последний день подготовки просто купили матовый цвет в книжном клубе. Так вот и выиграли. Дулекача даже не стала участвовать дальше. Просто вышла на пирс и закинула удочку в обрыв. В борьбе же за второе место сцепились все остальные участники. Но судьи не стали устраивать скандал, а разделили приз между всеми. Каждый получил официальный шаг через арку.

Следующий год планировалось конкурсы не устраивать. Исключительно для разнообразия.

Лестница в сарае

Небанаш принял решение устроить на втором этаже сарая пункт управления мультипликационными ракетами. Суть была проста: во время трансляции передач с нарисованными боеголовками по электронным галошам, попытаться перехватить сигнал управления и направить их напрямик в центральный офис распространения пунктов продаж прохладительных бутербродов.

В прошлый раз бутерброд был недостаточно охлаждён и Небанаш решил уничтожить всю сеть разом, чтобы никто больше никогда не смог пережить боль, о которой ему довелось узнать.

Архитектурный план он нарисовал на арбузной корке, когда копал картошку соседа. А финансы на свою затею он найти не смог, решив действовать бесплатно. Была попытка продать худую белку на ламповой барахолке, но и туда без денег не добраться.

Сарай был деревянный с бумажной крышей и шестой по счету в общем ряду сараев. Старый, наклонившийся, переживший вековую войну кошек с постельными клопами, но до сих пор готовый к великим свершениям.

Первый этаж занимали опечатанные бочки с отходами производства компьютеров. Компьютеры уже как два века не производили, посчитав, что они негативно сказываются

на работе икр на ногах. Причём на левую ногу сильнее, чем на правую, поэтому кузнечики перестали останавливаться в мотелях. А вот невостребованных частей с тех старых времён осталось в большом количестве, и редкие энтузиасты растаскивали их на опыты. Стояли эти бочки от пола до потолка, заставив всё свободное пространство сарая. Было, конечно, место в углу по легенде старого хозяина нежилых помещений кирпичного дворца. Но узнать это было нереально. Хозяин давно пропал в центре уникальных товаров. А если для проверки все бочки вынести на улицу, назад их уже занести будет невозможно, так как суть этих бочек в том, что о них никто не слышал. А так будет слышно, и одна из целей жизни Небанаша будет опустошена. Всего их у него пять. Чем больше, тем лучше! И решение по устранению становится шестой.

Так что бочки он не трогал ни под каким предлогом и даже не задумывался о чем-то с ними связанным.

Верхний же этаж был пуст и удобен, но туда было до этого дня не попасть. Высоко слишком. Чтобы что-то достать оттуда, приходилось поднимать руки выше пояса, а это неоправданные затраты энергии микроорганизмов, которыми было насыщено тело Небанаша. Причём самые минимальные размеры этих организмов были именно у него в коллекции. Сам он сверял расстояния штангенциркулем и записывал показания датчика в диетическую стенгазету.

В общем и целом, сверху было свободно просторно

и не занято, поэтому Небанаш последние годы обдумывал различные способы попасть наверх. Обычно в голову приходили разные ненужные напитки, а основной проект представлял из себя и других лестницу. Самую лучшую, из бус, сделать было сложно, поэтому Небанаш, оставил такую мысль на самый крайний случай, а начать решил с более простого варианта. Представлял он из себя обложки документов, которые показывали в зеркало при репетиции салюта. Запланировал он это целых три года назад.

В первый год на завершающем этапе он переделал уже получившуюся лестницу в кривую горку, для катания на ней в бачке унитаза. Бачка не нашлось, поэтому горку отложил в стопку для лучших времен. Не сказать, что эти времен были плохими, просто не лучшие для катания, а для других полезных дел подошли бы.

Второй раз похожей на лестницу конструкцией он загорел щель, образовавшуюся на ковре в коридоре конюшни. Причём поставить её удалось не сразу, конструкция каждый раз взлетала и ударяла в колокол вызова консьержа. Тот выходил, нежно осматривал всё уставшими глазами, записывал на земле рецепт салата и заходил обратно в скворечник. А Небанаш отклеивал конструкцию из лестницы от дымохода и снова пытался поставить на место щели ковра.

И вот уже на третий раз лестница была более-менее готова для использования по запланированному назначению. Новенькая красивая, из ворованного поликарбоната. Сам он

никогда не воровал, но любил ворованные вещи. И продавец, продавая ему листы, душевно клялся, что сам украл их из кошачьего приюта. Интересные вещи с криминальной историей, думал Небанаш, заправляя попку в спортивные штаны.

Волнительным моментом было прикладывать лестницу к полке второго этажа в сарае, так как высоты конструкции могло не хватить. С запасом Небанаш никогда ничего не делал, так как слово «запас» созвучно с именем его старого приятеля Запас, а с ним он вообще сделать бы ничего не смог. Тот жевал конфету не до конца, а потом закапывал её на горе. Пока дойдешь с ним до этого места, уже день прошел и ночь пролетала. А с утра новый жевательный процесс и брюки в руки.

Приставив лестницу к полке второго этажа, Небанаш её уронил. Она сорвалась и ударила по стоящей в дальнем краю бочке, разбудив обжору на машине. Пришлось за ней лезть в забинтованных коленках и пробовать приставить повторно. Со второго раза вроде бы все получилось. Стояла лестница не сказать, что уж очень прочно, покачиваясь на китайских палочках, но задача выполнена. Перед подъёмом Небанаш решил обязательно постоять на голове, но согнуться получилось с трудом, всё время из-за пояса выпадал справочник комнатных растений. А так как пол был покрыт вишнёвым желе, на нём оставались круглые вмятины, похожие на домики маленьких оленят. Волосы электризовались и поднимали пустые карманы Небанаша к потолку, смешива-

ваясь с забытыми надувными траурными шарами. А когда штекер мультиметра коснулся разделочной доски, хозяин сарая вернулся в привычную ему форму существования, коснувшись носками нижней стороны пола.

Глубоко вдохнув воздуха полной грудью, так сильно, что пролетавшие чайки попадали от недостатка кислорода в гнёзда старых грачей, Небанаш поставил ногу на первую полку лестницы, затем была вторая нога, а третьей ноги у него не было, но она была и не нужна, так как он уже был на втором этаже, радостно потирая ногти разводным ключом. «В цель верю, себя вижу» крутилась в голове мысль.

Находясь наверху, и не зная, когда он снова увидит родимые просторы коридора кооператива собственников сарая, Небанаш стал обустраивать пункт управления. Бутербродная сеть закрывалась каждый обеденный перерыв на две недели назад, а мультипликационные боеголовки запускались точно в первые пять минут до обеда. Нужно всё успеть подготовить и протестировать к моменту перехвата.

На лампочку Небанаш повесил план задачи, сделанный из старой вешалки, на вешалке майонезом он написал своё имя и нарисовал красивые глаза своей первой воспитательницы с круглыми солнечными очками. Стену украсил обоями из новых рекламных буклетов, а на потолок натянул линолеум. С полом делать ничего не стал, по мерке различных штабов он был идеален. С помощью складывающегося стаканчика вызвал специальные надзорные органы, которые

проверяют качество тайных пунктов управления. Приехавшие специалисты забираться наверх не стали, видимо имея неприятный опыт спуска с невысоких объектов, но понюхав свежий спил травы на трассе, постановили, что данный объект соответствует всем производственным нормам. Распоряжение с печатью главного бухгалтера они оставили под ковриком в ванне губернатора. А Небанаш приступил к подготовке к перехвату.

Времени оставалось совсем немного. Он открыл большой толковый словарь и начал в нем искать все слова букву «С». Когда все слова были найдены, он зажёл плиту и стал жарить яичницу с кукурузой. Вспоминая найденное в словаре, тонкой деревянной палочкой писал их на сковородке, меняя буквы местами. Запах от жарки распространился по крыше и стал заполнять соседние сооружения. Были ли и там какие-то тайные пункты управления, Небанаш не знал. Возможно, кто-то ему назло, тоже собирался осуществить перехват. Конечно, сомнения были, но он не исключал повторения прошлогоднего нашествия пакетов из-под пельменей. О них он вспомнил в последний момент и тёркой потёр немного мимо сковородки.

Захват был на носу. В пункте продаж уверенно тряслись работающие там врачи. Это, конечно же, точно он тоже знать не мог. Но они и в правду тряслись, так как директор ходил по кабинетам и обдувал своих работников пылесосом. Дуло так сильно, что можно было заболеть и слечь на неделю в са-

ду. Лечиться яблочными косточками было очень дорого. Поэтому все для профилактики нагревали плитус и прикладывали к тёмной стороне ванного слива.

Небанаш взял в руки щепки и пронумеровал четырнадцать штук, буквами обратного алфавита. Сложив их вместе и связав ниточкой из точильного станка, приготовился отсчитывать время купания.

В мультипликационной программе уже запускали боеголовки. Небанаш стал подкидывать тарелки и вазы, пытаясь зацепить их в случае их пролёта над сараем. Кидал он их всё активнее и активнее, ракеты уже скоро должны были пролететь. Если и не сами, то на спине пухлых черепах. И в определенный момент захват удачно произошёл. По звукам из клаксона кареты, ведущие немых новостей, сообщили, что мультфильмы улетают в направлении пунктов продаж прохладительных бутербродов. Потом был шум ветра, треск кондиционера и когда майские жучки перевернулись в своих спальных мешках на другой бочок, пришла информация, что прохладительные бутерброды с текущего дня будут называться охладительными. В такой исход, точно поверить никто бы не смог.

Небанаш радостно похлопал себя по пояснице и сел в сковородку с яичницей.

Птичка на фонарном столбе

Мужчина в красном плаще из занавески кушал бутерброд и смотрел вниз. В отражении машинного масла, разлитого на рекламный видеоролик, он явно что-то рассмотрел, но сразу никогда голову вверх не поднимал, так как боялся нашествия саранчи. Мимо на бочонках от лото проезжал другой мужчина совершенно другого склада фигуры.

– Что это вы здесь улеглись? – спросил проезжий.

Мужчина в плаще из занавески, откусил большой кусок бутерброда, порылся в карманах носков и достал капустные листы, аккуратно сложенные в форме документа о дополнительном образовании.

– Детектив среднего звена, – прочел объект на бочонках, – А я кладоискатель. Он встал со своего транспортного средства и показал на трубу за спиной с дорожным знаком «Ограничение скорости».

Детектив, не доев свое лакомство, положил его на водяной слив и придавил кедами из рваного пакета. А выпрямившись через ноги, указал ручкой от ржавой тачки на стоящий перед ними, и немного перекосивший фонарный столб. Кладоискателю даже ничего больше объяснять не пришлось. Птичка, сидевшая на самом верху, рассматривала округу и не обращала на них никакого внимания. Искатель клада взял в руки свой дорожный знак и начал копать песок, а детектив начал

приотпывать в такт и петь куплеты гимна своего агентства.

Когда яма уже была размером с теннисную ракетку и фирму, о которой пел один из спасателей закрывшийся за неуплату завтраков в пансионате, кладоискатель приложил свою ладонь ко дну. Оба посмотрели вверх.

– Что-то ваш план работает плохо. Птичка сидит наверху, а должна была уже внизу стоять, – мрачным тоном сделал замечание Детектив.

– Да, не сработало, но есть ещё один способ! Вы встаньте и вытяните руки назад. Я вытяну свои тоже назад. Мы их сцепим вместе и будем дергать в стороны, – предложил новый способ Кладоискатель.

– Пожалуй, может и не сработать, а у вас опыт имеется! – похвалил Детектив и вытянул свои руки назад, согнул ноги в коленях и вылупил глаза, надеясь, что они выскочат из орбит.

С первого раза ничего не вышло, затем был второй раз, на третий раз снова потратили время впустую.

– Может, вам намазать ноги сгущённым молоком, у меня как раз осталось три контейнера с собой, – предложила появившаяся не пойми откуда девочка.

Уверенно уставившись в рисунок календаря на футболке одного из спасателей, она подергивала зубами ленту с привязанной на другом конце пчелкой.

– Жужа, нельзя здесь территорию метить, тут нефть добываю, – делала она замечание своему насекомому другу.

Кладоискатель вытянул одну ногу назад и приказным тоном добавил: «Мажь!»

Девочка достала бритву и намазала ему обе ноги, а затем намазала колени и локти Детективу, даже не дождавшись, когда тот закончит разгадывать лабиринт в книжке. Затем она стала на руки ногами попыталась усилить эффект от дергания рук взрослых спасателей. Пчёлка, тем временем нервно стучала в стороне.

Птичка, как сидела наверху, не обращая на них никакого внимания, так и продолжала заниматься своим делом.

Отчаявшись, собравшиеся решили обняться на прощание с уходящим сезоном. Обнялись несильно, расставив ноги подалеже друг от друга. Посмотрев вниз, они насчитали ещё четыре лишние. «Что за дела?» – подумал Кладоискатель.

– Мы просто увидели, такую приятную картину, что не смогли удержаться и не обнять, – томным голосом произнесла женщина, подпирая под бок болтавшегося рядом с ней пьяного мужчину в водолазном костюме.

Тот расслабленно улыбался, видимо имея опыт по спасению птиц с фонарных столбов. Кладоискатель поднял с нижней полки свой дорожный знак и снова начала копать в песке яму. Когда та уменьшилась до размеров целого набора в бадминтон, он показал пальцем на пьяного водолаза: «Давайте его здесь зароем». Все восприняли эту идею на ура, а девочка даже от грусти, чуть не отпустила пчелку в тёплые края на перелётный пункт.

Положив его на живот и дав с собой пачку карт, кубики для игры в нарды и три железные вилки, стали засыпать ступни и мусорные пачки.

Рядом стоящий депутат государственной думы снова молчаливо похлопал в ладоши, поправив татуировку на кончике мизинца.

– Давайте ещё бросим ему туда трубку от телефона, – предложила женщина, пришедшая с пьяным водолазом.

Все обрадовались, сели в автобус и поехали на рынок. Там перекусили, поиграли в игрушки, сшили шарф и вернулись обратно в баню. Трубка найдена не была, поэтому закинули точилку на крышку и посмотрели, произошло ли что-нибудь с птицей. Та, как сидела на фонарном столбе, так и продолжала сидеть.

Водолаз начинал трезветь и подергивать шнурками на ботинках. Пиджак его растянулся и обнажил листовки на бесплатное купание в городском фонтане.

– Что происходит? – занервничал Клагоискатель.

Детектив подошел поближе к закопанному, присел на одно колено, и защелкал пальцами. Все смотрели, не отрываясь, на дым от трактора, в ожидании, что же случится дальше. Всё вышло в лучшем виде – пассажир смог завести не поддающуюся машину и уехал по делам. Детектив к тому времени закончил щелчки пальцами и записывал на салфетку свой вердикт.

– Протрезветь он не должен, иначе птица спасена не бу-

дет! – резюмировал, но он. А депутат в это время снова захлопал в ладоши.

– А вы точно работник государственной думы? – вопросительным, но нежным тоном спросил, подошедший к кабинету Кладоискатель.

Депутат достал из сумки рыночного продавца усы и наклеил их себе на лоб. Все остальные вопросы о занятости гастарбайтеров сразу же отпали.

Птичка же продолжала стоять на том же месте.

– Давайте массировать пятки Детективу? – предложил Детектив.

– Оставим этот опасный метода на самый крайний случай, – ответила на предложение женщина с пьяным водолазом. – У меня муравьи после подобного занятия уехали на юг, не доужинав.

Все, соглашаясь, замахали пиджаками, а депутат начала хлопать себя по щекам.

– А давайте лучше меня выкапывать, – запел открывший теорему водолаз.

Все взяли в руки грузовички с прищепками и зашипели в зрительную трубу. Наводнение на заводе уже почувствовали те, кто стояли ближе к военной форме. А когда фен загудел невыносимо тихо стали раскатывать рисунок на площадке для медитации.

Поднявшись на локти, трезвый водолаз обнял за талию женщину, пришедшую с ним, и депутата и начал читать сти-

хи задом наперёд. Пчёлка на ленточке девочки поднималась всё выше над пылью. А Клагоискатель скрипел зубами от радости выигрыша.

Зазвонили купала. Депутат молча собрал всех в круг и стал хлопать так сильно, что ладони стали покрываться маслом. Все последовали его примеру, кроме водолаза и девочки. У первого локти были выпачканы в жидкие кристаллы, поэтому он шмыгал носом, а у девчонки недоставало решительности свести волосы в одну косу.

Сначала круг изменили в овал, затем в квадрат, потом в приглашение на дегустацию йогурта. «Почему бы и не посетить», – подумали почти все не сразу, и тем же путём, что и рынок блох, отправились нюхать. Головы кружили, как только могли, а ноги трясли ёмкость с мышечным раствором. Аппаратура ломалась налево и прямо. Поэтому приходилось рассчитывать только на силу комбайна.

– А давайте переобуемся, – кто-то предложил невнятным голосом, пока другие защищали спины у забора. А сверху торчал кирпич, который вот-вот должен был стать опорой художника. Тот всегда приезжал только завтра. Поэтому на следующий день он снова должен был приехать, но потом. Все сняли парики и перевернули их синей стороной к вулкану. Депутат, нахлопавшись на месяц вперед, потерял сознание, сопровождающей водолаза женщины.

– Как вы посмели посмотреть вперед? – возбуждая конфликт, завопила девочка.

– А ты как, девочка, тут стоишь? – закричал Водолаз.

– Хватай его! – указывая на рулон искусственной кожи, нежно произнес Кладоискатель.

Детектив, слушая их диалог, жадно потирал пальцами вату. Напряжение на фундаменте нарастало из года в год. Один ус уже отклеился со лба Депутата и вызывал сомнение в журнальной подписке Детектива. Отбросив затвор, он решительным шагом направился к бликам на дисплее теплицы. Есть причина, по которой животные живут среди людей, и он эту причину видел во всем многообразии их одежд. Достав последний колпачок, он подвязал его на чёлку женщины и вышел из очереди.

Трезвого водолаза наклонило в сторону. Он схватился за бабочку Кладоискателя, но не смог удержать гантели. Весь лёд растаял в ту же баночку.

Девочка от ожидаемых действий разрезала ленту, и пчелка улетела вместе с птицей и фонарным столбом на дискотеку.

Что до собравшихся, то женщина запьянела вместе с водолазом и побрела по натянутому между самурайскими мечами канату. Депутат стал хлопать ступнями ног, запивая всё пшеничным нектаром. Кладоискатель вообще куда-то пропал, его никто не видел последующие несколько минут, особенно Детектив, расследовавший дело о пропажах разного рода искателей. А девочка с лентой без пчёлки выросла и вышла замуж.

Грустный бородач

Доктор подошел к пациенту с обратной стороны и погладил кота. Больной казался здоровым. Доктор снял очки, побрызгал на них одеколоном и стал косить глаза. Пациент сидел молча на батарее, а в карточке на четырехчасовое питание врач вписал, что не смотрел новый фильм. Доктор достал карту лунной поверхности и провёл по рисунку дрессированных пони. Больной перекинул свою длинную мохнатую бороду с левого плеча на правое и погрустнел ещё больше.

– Что Вас больше всего не беспокоит? – поинтересовался доктор. – Вот меня, например, перпендикулярные линии и пухленькие губы.

Бородач молчал, словно в рот плавников набрал. Но доктор не тормозил.

– Давайте пройдемся по вашим урокам, – постукивая большим пальцем по бейсболке, он открыл свой бизнес.

Первое, что бросилось в глаза – диван был заложен в ломбард. Доктор написал об этом в стикер и размешал удочкой. Больной бородач в это время впадал в уныние и выпадал из процесса. Кончики губ были так недовольно и грустно опущены вниз, что касались пола нижнего этажа кинотеатра.

Доктор открыл вторую страницу кафе на соседней улице и прочёл серию книг об охоте и доходе. «Бородача нужно было срочно лечить и медленно», – думал доктор, откупори-

вая зубную пасту.

– Вы принимали вчера, что-нибудь у гостей? – спросил врач, но бородач только повел в сторону. – А завтра будете любезны?

Доктор вышел на балкон заправил майку за ступени и выдохнул границы дозволенного. Внизу пролетели молодые мамы на самокатах, а значит, таксисты нашли крайнего. Он вошел в холл и поднес большую таблетку к бровям грустного Бородача.

– Откройте, пожалуйста, – попросил врач.

Бородач сделал вид, что никого дома нет. Сильнее загрустил и притаился. Доктор со всего маху ладонями разбил лекарство о колени и сдул в направлении виадука. Потом посмотрел на Бородача и подумал: «Хм, вроде бы адекватный».

К обеду Бородач не ответил ни на один вопрос. Впитав всё тепло батареи в своё тело, разбросал сосульки по натяжному потолку. Из кармана достал руки поменял местами и засунул обратно. Кабинет немного закачало – поезд повернул обратно. Доктор присел на корточки и затянул короткий монотонный рассказ о службе в армии незнакомых ему людей.

– Раньше-то я был не такой, любил вместо бумаги заказывать полки. А потом случилось растение, и засохли саженцы. Я переехал на этаж и взошел по карьерной лестнице в актовй зал. Меня ругали водители оленей и в походе мной отпугивали мотыльков. Но когда опустились облака, а на деревьях перестало быть видно схемы метро, я надел

котелок на своего пса и стал лечить бездомные скамейки, – врач поднял взгляд Бородача на себя и вопросительно завонял. – Что ж будет Вам продолжение! – резюмировал он.

Свет в туалете мигал разноцветными чеками. Доктор оторвал немного бумаги и разложил её перед администрацией фестиваля. Размахивая рваным флагом, пел гимн мохнатых героев.

Бородач снова перекинул бороду с одного плеча на другой и вытер кедами заплаканные глаза плохого танцора.

– Подскажите, – спросил Доктор, – идёте по конечной?

Но Бородач хранил молчание. Врач понял всё и без слов: всплывающие уведомления в углу собирали рассадку, и это было легко предотвратить. А когда Бородач стал рассматривать ноги, Доктор зашел за ширму и захихикал. Его низкий интеллектуальный уровень развития мешал Бородачу расслабиться после душа, а неприятный голос с закрытым ртом вызывал курьера на дом.

Вторая таблетка не заставила себя долго ждать. Но по закону разбить её он прав не имел. Подвесив с верхнего этажа на бельевой прищепке, Доктор потребовал от Бородача сложить оружие на прикроватный столик и одеться потеплее.

Больной просьбу проигнорировал и приготовился записывать домашнее задание.

«Что ж», – думал Доктор, – «не хочешь по-хорошему, будет ещё лучше!» Лучшее лекарство от покалывания в боку – физиотерапия. К несчастью, нагрузки найти было несложно.

Надев варежки на головы, Доктор передал Бородачу первую коробку со старыми кинофильмами. Ящиков было много, а времени мало. Носили их из угла к стене. После каждой ходки Бородач уставал и ложился на раскладушку. Тяжело дыша, пытался вызвать звуки в животе. Вставая и закидывая раскладушку за спину Врача, он брался за следующий груз. Когда все углы были освобождены, врач открыл услуги по погрузке контейнеров доках, а нижние части протёр губкой для обуви. К последнему походу Бородач решительно настроился открыть курсы «грустим вместе и молчим», но не смог оторваться от пола. Прилипание произошло в самый подходящий момент. Когда Доктор понял, что ситуация выходит на контроль, срочно вызвал лягушат-спасателей. Но те приехали не сразу, в это время по городу бушевали огромные винные пробки. Им пришлось ехать с пересадкой на скамейку, а со скамейки за столик. Добравшись в оперативном порядке всеми, начали лепить оладушки и отговорки. А когда гарнир прокис, стали вываливать всё в ведра и выносить на задний двор.

К вечеру лидер принял решение поделить всех по парам и начать называть случайные суммы из таблицы, найденной в древней гробнице императора верблюдов. В ненужный момент Доктор краем глаза заметил следы выздоровления на подносе. «Всё шло правильным направлением», – подумал он.

Жаль только, что подумал он об этом в тот момент, когда

все остальные думать перестали.

Вдруг монитор погас, и сафари стал готовиться к заправке. Сначала прискакала зелёная лошадка, а уже после неё пришел её подчиненный робот. Несколько шурупов у него в голове не хватало, поэтому он намазал панировочные сухари на хлеб и улыбнулся железной хваткой. Все успокоились и крепко обнялись с деревом.

Когда же в таблице не осталось нужных решений, врач всех разогнал набором для игры в минигольф и сел на колени Бородачу.

«Будешь ли ты держаться сильным оратором», – спросил он у него и захлопал ресницами. Но обратно получил в лоб чудовищную мысль. Решение было отложенное, и Доктор понимал это не хуже близких родственников.

Он взял подтяжки для штанин с начесом и полосками, которые не надевают в театр, погладил их о диван и привязал к лодыжкам Бородача, заранее проверив, что пульс больного не превышает скорость движения по магистрали. Другие концы Доктор закинул за воротник и пошатнулся, отошёл немного к картине и стал её бурно обсуждать вслух.

– Немного красок недостаёт на заднем фоне! И здесь кисть застряла, сразу не видно! А в основном, можно и напечатать! – достал фишки для покера и завернул картину в столовый целлофан.

Когда приплыли покупатели, картина уже сидела собранная и заваривала кофе.

– А на закуску что будет? – спросили артисты у Доктора.

Он достал книжку с миниатюрными названиями и попросил Бородача её лизнуть. Тот наотрез отказал им не всем, своим молчанием и подмигиванием.

Но покупатели согласились забрать и так, как есть. Пожали друг другу ноги в знак завершения продуктивного дня. А на выходе подняли санузел и погрузили всё за несколько праздничных дней в кувшин. Когда кувшинов набралось горсть, царь за материком подписал указ о разделении неба на части. Только об этом никто не узнал.

Раздался хлопок и пошёл туман. Над дверью замигал синий счетчик. Купюры стали влетать в замочную скважину вылетая стопками салфеток. Доктор поднял мандарин и ответил: «Кто меня смотрит?»

На другом конце ветки сообщили: «Не имейте на виду, что на выходных будет пир!»

Доктор благополучно запомнил скороговорку и вернулся к ауре Бородача. Тот к тому времени уже собрал кубик ромбика и приступил к прохождению его же шарика. Дальше шли овал и пустая кружка. Но до этого сегодня дело бы точно не дошло. Процесс пошёл, что не могло не радовать, так как ходить он долгое время не мог. Врач очень обрадовался этому и закрыл детское шампанское.

– Ну что, идем переворачивать день? – не теряя надежды, спросил Доктор.

Протянув руку к бороде Бородача, чтобы перекинуть её

по графику отпусков на другую сторону, запутался в хитро-сплетениях дорожных сетей. Забегаловка у трассы не внушала доверия, но других способов сдать экзамены Доктор не слышал.

– Давайте ещё попробуем снять эти подтяжки? – поинтересовался он, но найти их среди обломков пиратского корабля было невозможно. Получилось бы собрать коллекцию насекомых. А затем выступить перед всем городом, когда его жители смотрели усыпляющие программы по газовой плите.

Апельсин снова очистился, но на этот раз просто ошиблись номером. Доктор хотел перечистить, чтобы оскорбить торгового представителя, но рабочий день на другом полушарии уже был закончен.

– Всё же, мы попробуем встать – Доктор понизил голос до ультразвука.

Бородач не поддавался на уговоры цветов, и прирос к батарее, на которой лежал. Врач подогнал машину к чёрному входу клуба и включил фары.

– Остановись! – произнёс он свою первую клятву.

– Научись спешить! – вторая клятва произвела не менее эффективное решение.

– Закрой рот! – прошипел он третье своё изречение и зажег спички.

Плитка на полу стала подниматься наверх, а краска сыпаться в ванную. Волны мыльных пузырей стали бликовать, видимые боковым зрением. Сомнения быть могли. Кончи-

ки рта медленно и неверно стали возвращаться на своё привычное место, туда, где всё началось. Завертелись сосновые шишки, и радуга отбросила по два цвета с каждой стороны.

Доктор сжал кулаки и приготовился встать. Его план работал, как механизмы на деревянной мельнице, добывающей питательные вещества для градусников. Он быстрым движением снял очки, обвел желтыми глазами обзор и лопнул капиллярами. Радость переполнила его пакет, на котором он добрым вечером сидел на развалинах.

Бородач завибрировал. Он боролся с подступающими к лицу изменениями и старался скрыть свой доход. Ветер стал перемещаться из стороны в сторону, нежно обтирая небритые щеки и шею. Лампа запела серенаду плафону. А доктор впрыскав стал гонять просроченную колбасу по коридорам общей кухни.

Бородач улыбнулся, первый раз своей жизни за последние пятнадцать шагов. Хохот поднимался облаками вверх и рассеивался на лобовом стекле. Он был добр к пожилым и гуляющим с детьми. Но когда вода покрылась трясинной, заговорил мелодией из рекламы.

Доктор же, напротив, съев пельмени, загрустил так же, будто никогда не видел он и отражений в зеркале. Закрыв дверь на чердак, он спустился люстры и устроил пикник на каменных глыбах.

Скоро и он обрастет бородой, опустит кончики губ в студёную воду, сядет на привычную для таких специалистов ба-

тарею и будет ждать своего лебедя с портфелем. А шофёр в это время уже собирал меха, чтобы бывший Доктор перенёс его через мост на руках балетных див. Только этого не произойдет, так как дедушки-близнецы все отмотают назад, дабы вылечить Бородача по новой схеме полёта.

Пол на потолке

Серовуш Чистаносович мыл полы у соседей. В школе всегда было грязно, особенно после весенних походов. День был пасмурный, мазался по стенам снег. Серовуш напевал стих с ложки для йогурта и восхищался невыполненной работой. В дальнем конце провода заиграло игривое радио. Сначала его начало всё это раздражало, а затем он полюбил это время года. «Наверное, нужно включить пластинку обратной стороной», – подытожил Серовуш и наклонился над ведёрком с растениями.

Снег рычал известную новость. Можно было выйти и ртом показать, что ты недоволен качеством ремонта дорог. Было возможно показать и волосами, но только если в шапке найдётся заначка с прошлого года.

Серовуш не был прищепкой, но в школе работал за деньги. Когда сообщили, что быть ему учителем папок для документов, он откинулся на футболках и закатил глаза вверх за диван. Работа была как отдых в не сезон матча по боулингу. Серовуш её очень полюбил уже после салюта, а до этого очереди на почте были нереальные.

Раскрутив швабру перед носом, он попытался вызвать такси на помощь грязевым ваннам, но таксисты ещё не оделись в меха. Он продолжил уборку мыслей, и дослушивал последние новости пластинки в обратном порядке.

Сменив кассету в блендере, Серовуш засмотрелся новым шумом. Новый альбом был ужасен и нежен. Серовуш даже потерял несколько ресниц в процессе. Но успеть поделаться все отпуска, нужно было к закрытию книги. Завтра школа наполнялась солнечным светом, а он всё же учитель папок, как ни закрути.

Размахивая руками, Серовуш разогнал все возможные скорости, и заплатил за холодный кофе. Половина кабинета была лишь частью целого помещения. Глупо было этого не заметить. Швабра уже начала таять, а руки отмывать от краски было необычно. Серовуш взял карандаш и наточил им ножки табуретки. Всё выглядело неидеально. Он поправил своё фото на столбе и зашел обратно в холодильное помещение.

Заиграли разными красками зонты в картинах на полу. Серовуш ещё раз взмахнул шваброй и запел очередной роман. Вообще он петь не хотел, но чего не сделаешь ради скрепок.

Пластинка как раз доходила по размеру, так как Серовуш почувствовал странный ненавязчивый отблеск постукивания. Где-то явно что-то кипятилось. Он достал карту самой высокой масти и продолжил расследовать дело молодого бычка. Стук усиливал чувство внутреннего достоинства, но откуда нужно было смотреть на восходы и закаты, понять было можно. Швабра твёрдо растаяла по руке, и необходимо было всё подготовить к новому учебному передвижению.

Схватив руками уши, он со всего размаха, что есть мочи, остановился и дальше пошёл летящей походкой, куда ему идти следовало.

Постукивания отражались в зеркале. А зеркало отражалось на витрине. Он поднял ноги знаменем первых посетителей лунной поверхности. И ударил в гонг в ответ на навязчивый звук второго этажа элитной школы молодых ребят без способностей к самостоятельному чтению. «Кто бы там ни был, он должен был начать и закончить!» – зашептал Серовуш.

Длинакрана Прищуровна заклеивала обложки паспорта по ремонту телевизора сидя за спинкой хрустального стула. Учитель из неё был хороший, но космический язык не по карману. Она учила бедных скучающих в пробках вундеркиндов фокусам со спичками. И сама грустила по поводу наводнения и половодья. В школу, попав после проведения горячих ванн, запечатала пакеты с молоком и так осталась на всякие праздники.

В одной стопке слева от надписей на агитационных формах сидели незаполненные пространства. В другой – она гладила замшевые подкладки.

Она начала тряситься от смеха, когда в новостях увидела, то, что должна была услышать. И продолжила вписывать странные статусы.

Сегодня цель всё собрать в одну кучу, а завтра, когда уже начнётся комната заполняться новыми учебными освещени-

ями, отдохнуть от всех, кто на неё смотрит по возвращении в школу.

Смотрело не так много тараканов, а главный шевелил усами и хлопущками показывал, как ему все осточертело. Все это Длинакрана хранила в альбоме и в любой момент могла поднять дату и ткнуть носом кого угодно и за что угодно в подпись на салфетке.

Одна ручка заполнялась за другой. Новый отправлялись почтой на нижний этаж, а с нижнего этажа приходил консьерж с пустым подносом и хихикал под дверью. Она его недолюбливала, хотя и воспитывала, как джентльмена, в клубе одиноких сердец. Такая ещё вечеринка была организована, когда идей на конкурсы не оставалось.

На вечеринки Длинакрана ходить не умела. Сложности составляли ещё и выскакивающие в неподходящий момент из сумочки сбережения. Потом приходилось их собирать в расщелинах плит на асфальте, а потом складывать в баночки по весу и возрасту чеканки. А это было самое нелюбимое занятие обитавших на нижних этажах библиотекарей.

К вечеру нужно было раскошелиться на новую кровать для презентации, но когда это её останавливало! К данному времени суток всегда приходилось расслаблять кошелек. Зато тот умник, придумавший презентации с кроватями, уже спокойно посасывал коктейль. Да, жажда её мучила не первую минуту. А вода была такой ясной в сознании тех, чей пиджак был с заплатками на локтях. Но если вда-

ваться в подробности, то модные начинания в области ног, приходились именно на скидки в магазинах. Если вставить устройство в систему подачи горячего воздуха на волосы, то можно увидеть некие показания расхода заработной платы. Длинакрана очень её любила – плату за работу. Иногда они вместе ходили в кино, она странно и игриво стеснялась, а сопровождающая её удивлялась тем или иным сценам.

Когда окна были повернуты отражением внутрь, Длинакрана прищурилась и сфокусировала копьё в отражение париков. Центральный был явно не на своем месте. Она подняла ещё не заполненный купон, который охал и ахал от прикосновения жирных пальцев. И запустила его в видение. Тишина разразилась по всему району. Нужно было что-то помощнее и посильнее, Длинакрана взяла ложкой уже заполненный бланк в твёрдом переплете и снова кинула его в противоположную сторону. Тот ударился о железный бак и исчез. Следом полетели зубные протезы, которые, стуком совершая волны на природных нитях, отразились этажом ниже, потом были ещё ниже, и ещё выше.

А в конце всего этого праздника Длинакрана услышала гонг.

Серовуш попробовал обыграть звуки в карты, которые доносились сверху. Гонг навевал знакомые мелодии из мультиков. А молоточек пытался составить слово. Если составить достаточно предлогов, можно их сложить в предложение и донести, кому следует.

Длинакрана напротив сидела в позе медитации и пыталась вобрать в себя звуки животного гонга. Сокращая свои расходы, он втягивала носом воздух, а выдыхала игральные кубики.

– Как зовут меня, не отвечай! – обдумывала она свою фразу. Но услышать её могли лишь рабочие.

– Так же, как и меня обзывали на месте памятника! – передумал в ответ Серовуш.

Звуки волны гонга и протеза тем временем объединялись в танец, на бесплатном показе моды. Излучая информацию по двум комнатам школы, они объединяли заплутавших учителей в круговорот событий первой мировой серии.

Серовуш стал медленно перечислять то, что видел во сне, а видел он там ужасно многое. Длинакрана, не понимая, что происходит с современной молодежью, пыталась повторить то же самое, но руками. Если бы хотя бы одно что-то совпало, то свет стали бы включать на пятнадцать минут раньше. А этого вполне достаточно, чтобы встать в позу защитника королевства.

Пока Длинакрана готовила руки, смазывая их зубной пастой, Серовуш забыл, что хотел сделать.

Он привстал и сжал швабру сильнее обычного. Наклонил статуэтку и ударил тряпкой по потолку. Штукатурка побежала жаловаться прокурору. Он ударил ещё раз так, что ежи проснулись после летней спячки. Третий удар был самый слабый.

Длинакрана слышала звуки постукивания, но строила из себя недотрогу. Вдруг там бродячие музыканты, сквозь стены же видеть не все могут. Хотя данные специалисты были известными в кабинетах.

Где-то запел соловей, а после обеда уже отключился. Серовуш достал маркер и замялся. Задымление сопровождалось молитвами о скорейшем погодном явлении и ворчанием. Стука было недостаточно. Там наверху гонг имеет преимущество, кто-то его заставил и надоумил раздражать Серовуша, да ещё и в такой вечер. Если бы не доставка, он бы уже смог начать стирку. Разложив перед собой крышки от бутылок, чтобы немного передохнуть, он начал рассказывать им сказки. Длинакрана стала прислушиваться, звук пропал, а ветер всё дует. Тоже неспроста снизу сделали потолок.

Подозвала гонг ближе к огню и пощекотала ему бока. Тот пустил волны с новой силой. Серовуш снизу подпрыгнул на пружинах и стал рассматривать узор на штанах. Вторая волна проделала трещину по центру и оттуда могли бы ползть нелегальные иммигранты, если бы вовремя Длинакрана не накрыла всё это матрасом. Постельное бельё тоже было наготове, но распечатывать не хотелось. Упаковка была ещё востребованной в сервисе доставки заварки.

Серовуш потыкал шваброй в матрас на потолке и задумал изменить свою жизнь. Ему недоставало одного зуба во рту для коллекции футбольных карточек, а тут такой подарок –

тортик со свечкой. Он открыл баночку пива и спросил, что нужно. Нужно было уже собираться с работы на другие качели.

Где-то запела капля растительного экстракта, и Серовуш полез наверх. Длинакрана смотреть не хотела, но нюхать ей никто не запрещал.

Влюбались они друг в друга почти сразу, даже швабра не пригодилась.

Женщина в очереди

Очередь тянулась между всеми прилавками и свисала с поручней. В центре на финишной прямой тучная дама с маленькими пельменями грозно обводила взглядом окружающих её субъектов. Взгляд остановился на молоденьком стороже. Его оранжевый костюм и просвечивающие жёлтые трусы ей сразу не понравились.

Отвернувшись, она вытерла слёзы и начала фыркать на цвета банок в витрине холодильника с мороженым. Чтобы как-то разнообразить времяпрепровождение перевернула все кружки, до которых смогла дотянуться и стала наливать в них кипяток. Баннер на здании в окне гласил, что на болячку нужно сперва подуть. «Какая-то ахинея для богачей», – подумала тучная дама. Цены на дуновения в этом месяце были самыми высокими в мире.

Девушка, перешедшая из начала в самый конец очереди, начала умело и профессионально делать операцию замороженной рыбе. Ассистировал ей старший продавец сувенирной лавки. Когда уже все были спасены, толпа заплодировала, а маленькая девочка поднесла большой букет редиски. Мужчины были так растроганы произошедшим, что достали портсигары и обменялись номерами телефонов. А у тех, кто номеров не имел, арестовали запонки.

Зевота напала неожиданно и отступать не собиралась.

Тучная дама собралась с силами и чтоб хоть как-то разрядить обстановку стала запихивать крабовые палочки в черепашек-самураев. Те хихикали от щекотки и стучали зубами. Дама складывала их аккуратно в маленькую замшевую дамскую сумочку поверх пудры и, играя губами, показывала всем, кто тут самый классный.

Бабушки в очереди ближе к выходу стали обсуждать график посадки чипсов в этом году. В апреле никто их посадить не успеет, значит, в сентябре придется покупать со вкусом лука. Третья бабушка, вечно немного недослушав, начала переспрашивать о погоде. После этого все потеряли к их диалогу всякий интерес.

Тучная дама заметила, что кого-то обслужили у кассы. Покупатель аккуратно смазывал оливковым майонезом дохлых кур и привязывал пакеты к поясу. Она хотела его позвать к себе домой, чтобы устроить скандал, но не смогла набрать достаточное количество сил для вскрикивания нужных лозунгов.

Очередь тянулось очень медленно, а синее платье уже начало изнашиваться. Все были уверены, что такие вот сборища покупателей в магазинах придумали археологи назло системе. Один мужчина вообще упал в обморок, когда его супруга начала вымачивать перец в газировке, даже не сняв вуаль с груди. Медленно тянулись и муравьи на дороге перед стоянкой. Там сейчас было тихо и безветренно. Машины запретили ещё в прошлом часу, и теперь всем приходилось

пересаживаться с кресел на раскладные стулья.

Многие начали расходиться, чтобы переставить товары местами. Кто-то поменял сахар с маслом, кто-то муку с помидорами, так или иначе все помнили, как стоять в очереди и после перемен возвращались на свои законные места.

Купоны летели с потолка и аккуратно укладывались сугробами между прилавками. Водитель в очках без стекол выехал на уборочной машине и стал сгребать всё это в самосвал, для дальнейшей транспортировки в другие филиалы. Кто успел, слепил шарики, остальные жадно начали смотреть на окружающих.

Девушка в мужских брюках начала расталкивать всех локтями. Когда же она поняла, что рядом с ней никого нет, и она вообще забыла встать в очередь и стала подзывать доверчивых посетителей присесть с ней за один стол. Задушевные разговоры перешли чаепитие и рукопожатия. А когда общество анонимного толкания переросло в секту, приехали люди в форме и всех их арестовали.

Тучная дама стала высматривать по магазину стограммовую баночку кофе. Сложность заключалось в том, что вокруг столпились посетители с густыми волосами, закрывающими ей обзор в окно. А смотреть снизу ей было физически невозможно. Купить это нужно было обязательно, на крайний случай просто подержать в руках и тактильно запомнить форму. Форма по описанию была круглая с элементами квадрата. Нужно было это доказать, а доказательство опубликовать

в научном журнале. К слову крикнуть – журнала с доказательствами на витрине тоже видно почему-то не было.

Начиналась давка. У выхода столпились ряженные и запели задушевные песни. Один мальчик среди них, играющий на губной гармошке, напомнил другого парнишку, играющего на аккордеоне. Когда уже все стали подпевать и подтанцовывать, нашлись люди без слуха и чувства рифмы. Их решили сделать капитанами команды, чтобы другим неповадно было. Надев им на ноги красные повязки, приехал главный капитан и начал процесс посвящения. Став за кафедру, он произнес:

– До свидания, дорогие подписчики! Было очень приятно уехать отсюда. День проходит медленно, но вы все быстрее остальных. Хватит гордиться достижениями, которых не существует! Перестаньте спать утром и выходите за коллег на службу! Вбейте гвоздь в деревянный брусок и срежьте лишнюю прядь волос. Выйдите из круга. Образуйте цепочку задних мыслей! И в кои-то веки начните видеть светлое днём и тени под фонарями после полудня.

Потом он обошёл каждого из тех, кого посетители назначили капитанами, и рассмотрел под микроскопом. Публика начала вставать с корточек и потирать затёкшие ноги и шеи. Тем, у кого были короткие руки, порекомендовали ещё немного посидеть. Остальные заняли свои места в очереди и задремали. Капитаны, взявшись за руки стали по парам выходить в подвал.

Когда обзор немного прояснился, Тучная дама подняла нужную ей баночку кофе и высыпала всё на голову неугодным ей кассирам. Те добавили сахара и сливок и немножко взбодрились.

Элегантный мужчина, покручивая сухими пальцами усы стоящего рядом человека, решил разрядить обстановку с помощью своего дара. Вынув серебряную вилку из сумочки женщины и переложив её себе в пиджак, он стал постукивать деревянной палочкой по хрустальным бокалам. Молодожены в начале очереди принялись танцевать под мелодию посуды. Сначала они держались за руки и крутили бёдрами, а ко второму куплету трясли полосами и сжимали кулачки. Те, кто смелее, брал с них пример. Скромные посетители больше равнялись на элегантного мужчину. Были и те, кто занял нейтральную позицию. В числе последних была и Тучная дама. Наблюдая за всем этим, она потирала перстень из искусственного золота на пальце и ковыряла мизинчиком в носу.

– Пожалуйста, продвиньтесь. Пожалуйста, продвиньтесь, – заговорил мегафон на заправочной станции.

Мужчина с мальчиком, стоявшие ближе к кассе выбежали, побросав свои вещи в холодильник с мороженым. По толпе прошла волна сомнения, что сообщение могут повторить. Информацию не донесли ни через минуту, ни на следующий день. А через неделю повторили, но уже другой текст.

Держать пакеты, наполненные продуктами, было очень

тяжело. Уставали ноги и шея. А на кончиках пальцев шелушилась кожа. Но, к счастью, в магазине пакетов не было, и посетители ими не пользовались, поэтому никто не устал.

Тучную даму, единственную сегодня, не возмутил тот факт, что выпечка, была недопечённой. А закуток, где должны были всё это выпекать, оборудовали под продажу страховых листов от наводнения.

Мужчина в майке стал кидаться на арбуз, выкрикивая неприличные в обществе названия блюд. Молодые люди закрывали уши от посторонних глаз, а те, кто постарше и с опытом побольше, пытался записать и найти рецепты. Арбуз на мужчину не реагировал и всячески игнорировал высказывания в адрес кулинарии. Из отдела косметики подошли напудренные и намазанные леди, чтобы сделать фото со скандалом. Немного передохнув, старичок с книгой жалоб, подошёл поближе и набрал мандаринов в пакет, планируя кидать их в непослушных администраторов. Его-то и задел конфликтный мужчина в майке. А чтобы не извиняться перед дамами с намазанными лицами отправил дедушку обратно.

Тучная дама достала веер и стала прицеливаться вдоль очереди. Спасти арбуз от агрессивно настроенных женщин могла только она. Ещё в детстве гадалка нагадала ей богатое на впечатления будущее и жизнь в роскошных эмоциях. Кроме радости от сериала про мышшь, она ничего не знала в жизни. Сегодня был реальный шанс оправдать слова ста-

рой проходимки с магическим квадратом.

В нужный момент рядом с ней стал симпатичный конь. В магазине он часто вставал с кем-нибудь поблизости и щепал травку жалюзи. Тучная дама провела рукой по гриве и закашляла. Очередь стала ровнее. На всякий случай мужчина с чемоданом достал линейку и померил длину носа касира. Всё было идеально, он махнул тучной даме. Начиналось представление.

Дама, сделав медленный кивок, наклонила руку в сторону и запустила веер между мужчиной в майке и арбузом. Но артрит не позволил посетителю в рваном цилиндре избежать столкновения.

Он кинулся на даму с кулаками, но в нужный момент передумал и извинился. Тучная дама извинилась перед лошадю. А мужчина в майке извинился перед работниками заправочной станции. Очередь безрадостно зааплодировала и встала с насиженных мест.

Дама гордо прошла вперёд, взяла без очереди пакет с подарком и вышла из магазина.

«Нужно ещё зайти в музей», – подумала она и потянула лошадь за поводок.

Жижа в лесу

Жижа заблудился в лесу парковой зоны уже второй раз за день. В первый раз его спасли деревянные лошадки, на которых он катался до появления пожарных. И вот теперь второй раз. «Зачем я только вернулся обратно за листвой!» – крутил мысль в голове Жижа.

Теперь, когда зима сменилась осенью, и лето было за поворотом, нужно было разрабатывать план побега из сложившейся ситуации. Много разных передраг проносилось между родственниками Жижи. Были ситуации и весёлые, и обычные. А о некоторых рассказчики и вспомнить не могли. Жижа хорошо помнил эти вечерние посиделки вдоль стены на спуске к набережной. Зажигали свечи и самый бородатый участник, по результатам голосования, начинал рассказ о ситуациях. Женщины с короткими причёсками к концу четвёртой истории начинали плакать с благородным осадком на душе. Жижа ходил между рядов со школьной указкой и успокаивал разбалованных детей. Когда все истории были рассказаны бородатыми мужчинами, все слёзы выплаканы женщинами с короткими причёсками, а разбалованные дети были воспитаны розгами и пряниками, все расходились в разные стороны. Уход почти всегда сопровождался уханьем и народными песнями. Пели шёпотом и делали вид, будто хлопают в ладоши. Те, кто заканчивал школу боевых

искусств, ещё иногда в противовес такту песен, притаптывали ногами.

Жижа встал на колени и начал рассматривать дерево. Ему показалось, что это вовсе не растение, а фонарный столб. Он о таком читал в книге, ложные виды в парковом лесу. Чтиво было очень страшное с красивыми картинками ощипанных кур. Если никто не замечал, он маленькими ножницами для ногтей вырезал эти изображения и вставлял в домашний фотоальбом своих соседей. И вот сейчас сомнения вошли в его душу. Дрожащей рукой он потрогал кору и лизнул росу на траве. Дерево было настоящее, но, к сожалению, неразговорчивое. Так, выйти из леса, помочь оно ему не смогло бы. Но хотя бы было не так, как тогда, когда он разговорился в парке с монахом.

Он ещё так ненавязчиво подсел рядом в машину на радиуправлении и спросил: «Не извиняйте, у вас есть что-нибудь, что можно сдать?» Жижа протянул ему коллекцию красиво срезанных ногтей и календарь прошлого года. А тот в ответ подарил ему камушек. Красивый, но бесполезный. Жижа его почти сразу выбросил с нервной улыбкой на лице, а монах поднял его и подарил повторно.

Ветер гулял между одинокими посадками, вдохновлял мотыльков к великим свершениям. Грибы переходили с места на место, а иголки прятались в сено, пытаюсь переосмыслить знаменитую поговорку.

– Кукушка, кукушка, сколько тебе крыльев досталось? –

спросил Жижу в надежде услышать своё имя в нежных тонах.

Птица сплюнула и заскучала. Жижу поднял немного муравьев и погладил их. Они так приятно щекотали волосики на руке, что зверушки стали умиляться.

– Здравствуй, волчок родимый! – поздоровался Жижу, наклонившись перед старым пнём от ели. Тот ему почему-то не отвечал. Он достал из глубокого кармана линейку и на кончик прилепил семена подсолнечника. На вытянутой руке попытался покормить пень, но тот, по всей видимости, был не голоден.

– Кушай волчок, дорогой, не стесняйся, – умолял его Жижу, но тот был непреклонен.

Подходить было опасно. Случалось, что родимые волки, или совсем не родные. Но об этих случаях Жижу знать не мог. Есть вещи, которые некоторые люди делать не могут. Кто-то не умеет есть ложкой и научиться не получается, а кто-то затрудняется освоить переворот на одной ноге. Вот и у Жижы были пробелы в умениях.

Кукушка как раз доделывала последнюю жвачку в пачке, когда на горизонте показалась тень от рефрижератора. Жижу пошел в обратном направлении, оставив линейку с семенами у пня. Семечки могли бы дать всходы, если были бы настоящими, а так просто лежали и отдыхали в ожидании, что пень их примет в своё анонимное общество.

У скамейки рядом с колесом обозрения Жижу встретил

двух старушек в разноцветных балахонах, те выдавливали горох с веток и ворчали о приближающемся конце света. Сначала они не обращали внимания, что к ним кто-то подошёл, а потом и вовсе хотели задремать. Жижа стал вслушиваться, новости были срочные и горячие, другие обычно сырые, но, если накрыть крышкой, можно было улучшить эффект.

– Бабушки, дорогие, родные, как из лесу выйти, а то пропаду! Подскажите, если ответ знаете, а нет так, видеть вас мне не захочется, – умильным тоном, стал напевать Жижа.

Одна старушка, та, что ростом повыше, выронила пачку кефира. Вторая успела подхватить её за локоть и схватиться за зонт. Зонт открылся в нужный момент, и они не промокли под дождем. Сегодня была сухая погода, все пили воду и улыбались.

– Кто здесь? – спросила одна из старушек и прицелилась револьвером в сквер.

Вторая в это время начала делать ей массаж плеч, растирая руки перед каждым нажимом березовым соком.

– Эй вы, ребятишки, подойдите срочно сюда! – закричала эта же старушка, расслабленным после массажа голосом.

Подбежали мужчины, игравшие в домино у пивного ларька. Окружив бабушек в круг, они доиграли партию и приготовились расходиться по документам.

– Посмотрите вокруг, пахнет кем-то ещё? – поинтересо-

валась вторая старушка, опередив своим вопросом претензии первой.

Мужчины обнялись за плечи, встав один ряд, а самый худой из них сделал фото на память. Когда снимок проявили, бабушки уже уехали кататься на трамвае.

У Жижи затряслись локти. Он был невидим, без запаха и потерян. Выход из леса найти ему не удавалось. Его не увидели ни старушки, ни мужчины игроки. Он вернулся в лес искать путь спасения. Нужно было понять, что с ним произошло. Он залез на дерево и повис на ветке. Долго находиться в таком положении ему не пришлось. Снизу проезжали велосипедисты и одному он сел на шею. Слез он уже на другой ветке, снова повиснув, правда, на этот раз вниз головой. Таким образом, он смог добраться до старой разрушенной хижины местного предпринимателя.

Внутри было сыро. Кто-то забыл выключить телевизор, поэтому Жиже пришлось сделать кофейный аппарат. Звуки леса можно было послушать в электронном виде. Жижа грыз карандаш, запивая краном, и обдумывал план своего спасения. Вблизи доносились звуки рыбаков, которые вылавливали из пруда магнитом старинных монет и проигрывали их в автоматы с подарками.

На прутьях дремала сова. И когда восемь штук единицы были вписаны в листок, Жижа собрал подачи в походный мешок, взвалил его на крышу автомобиля, а сам отправился в поход налегке.

Идти было тяжело и одиноко, под ногами слегка хрустели жареные кабачки, а иголки смешно щекотали большие пальцы ног. Туфли были замшевые и не пропускали солнечные лучи. На ближайшей опушке Жижа остановился, поставил ногу в дупло и сфотографировался в стиле хозяина микрорайона. Фотография, скорее всего, победит в соревнованиях, был уверен фотографирующийся, но до этого дело не дойдёт.

Под деревом он увидел свежий костер. Разводить огонь в лесных массивах парков запрещено клятвами, но этот был не настоящий. Кто-то нарисовал его на картоне и сверкал зеркальцем. Можно было погреться и охладиться. Рядом стояла гитара, и Жижа покрыл её лаком. Кто-то позаботился о заплутавших путниках. Мозаику собирать было не сложно, но некоторые детали он аккуратно сложил в стопочку. Спасение уже можно было почувствовать ладонями. Напившись вдоволь, он связал верёвку из пакетов и свесил её из окна, которое стояло тем же вечером. Свесив устройство вниз через колючки, Жижа крепко ухватил узел и вылез через отверстие. Почва под ногами стабилизировалось. Нужно было идти строго в направлении узла, и Жижа уверенно пополз в ненужном направлении. Раскрывались двери лесных обитателей, чтобы проветрить запах дыма. Сапоги встречались на каждом углу. Жижа выливал из них фильтрованную воду и полз дальше. Иногда по пути попадались наборы юного археолога. Реже наборы юного химика. Жиже приходилось

читать инструкции, написанные на земле. Испачкав белый костюм в клей, он не отступал от своей цели. На середине пути ему помогли гусары, закинув его на опушку. Оттуда он увидел запуск старого мотоцикла и расслабился.

На выходе из леса он отряхнул свою сумку и достал проездной билет. Школьники рассматривали рекламу на люке, и ему удалось проскочить незаметно. Но в толпе он вспомнил, что забыл листья. И развернувшись против течения, он снова пошел по направлению к лесу.

Популярный музыкант

– Добрый человек и хороший день, интересуетесь выступлением? – спрашивал музыкант, стоя перед очередной стеной кирпичного дома частного сектора. Звали его Хлопарес, но представляться он не любил, больше любил спрашивать.

Самый некрасивый и финансово успешный сектор, частных построек города, был его финальным обходом. Прощальный тур он объявил три дня после этого, на церемонии собрания жителей малоквартирных построек. И вот теперь несколько дней до этого он решил обойти всех лично и исполнить свои музыкальные произведения вживую. Играл он на барабанах, а иногда на скрипке. А сегодня он решил исполнить новые композиции на ложках.

Первые три дома были заброшены. Бывшие работодатели забили окна стеклом, а двери сдали на переработку. Там он спел тихо, без изысков и танцев. А вырученные средства перенаправил в сторону от себя.

Стоя перед первым домом, где могли быть живые существа, он ещё раз постучал в стену головой. Чердак открылся и из него выглянул заросший недельной щетиной мужчина. Подбородок выдавал его происхождение. Происходил он из этого города, поэтому без опасений мог выглядывать, когда ему вздумается, с чердака своего дома.

– Чего Вам не спится в этот час? – поинтересовался он

у гостя.

Хлопарес улыбнулся, но вида не подал. А когда ему на встречу вышла жена хозяина здания в жёлтом кокошнике, упал, навзничь закинув руки за голову.

– Отведайте пульта от кондиционера! – предложила хозяйка и протянула мусорный щит.

Музыкант отломил кнопку и втёр её себе в подошву. Образовалось неловкое молчание, и пошёл пар из носика чайника на самодельной плите. Хлопарес достал ложки и показал мужчине на чердаке.

– Мы на обмен не согласны! Приходите не к нам, – кричал тихим тоном небритый субъект, похлопывая ставнями и изображая лебедей.

– Я тогда начну петь! А вы здесь живите с удовольствием! – любезно ответил ему Хлопарес и начал тереть ложки друг о друга вызывая разряды тока.

Женщина сняла с себя пуховик, подложила его под веточку акации и покраснела. Песня лилась живая, яркая и наполняла колени с обратной стороны приятным холодом.

Музыкант исполнял свой самый не главный хит, но делал это отвратно.

Когда вы все тут собирались с волосатыми пальчиками ног,

Вдали приближались горизонты на сизых конях.

Зачем вы захлопывали вместе тома, где не было иллюстраций?

Отстаньте от приёмщиков заявлений, им не платят!

У женщины от удовольствия покраснели уши и шея вокруг цепочки. Платочек вылетел из рук и закрыл видимость дальнобойщика. Мужчина с чердака решил надеть шорты на манекене и отнести его в поликлинику. Песня всем очень не понравилась и пара пригласила музыканта войти в соседний дом. Он не растерялся, растолкал бесхозные шины и влез через дымоход. Мужчина с чердака его встретил в нужную минуту, подставив под слив таз с кипяченой водой.

Эклеры были невкусные, и чайный сервиз подержанный. У кружек кто-то оторвал ручки и сделал из них ожерелье. Женщина была в этих драгоценностях счастлива, но голодна. Когда часы сняли, обнажив старые обои, музыкант Хлопарес попрощался с рамками на подоконнике и поскакал в следующий дом.

В стену постучать было нереально, она была огорожена распечатками последних чернил. Хлопарес собрал бумажный самолетик и стал ждать. Его заметили дети на заднем дворе и вызвали подмогу.

Три сестры, непохожие на местных продавщиц, вынесли ему стул с подпиленными ножками, надели ночные очки и приготовились выпитывать новую композицию.

Музыкант не стал терять время на представление и запел практически сразу.

Если были бы факты против производителей мебели,
Я бы уже позвонил по пропущенным номерам.

Если бы жили ребята на вершине,
Мы бы видели следы от торможения.

Если не хватать за косу на поле руками в тряпочных перчатках,

Золото станет только удачнее.

Если не плавать в тексте с лупой и салфеткой,

Дверь стеклянную закроют, а ключ не существует!

Хлопарес поклонился в четыре стороны, плюнул через левое плечо и удивился, когда все перешли дорогу. Три сестры его обняли, а одна даже скривила лицо. Было простительно, что они так одеваются в будние дни. Иногда конфеты бывают чёрствыми. В тот момент музыкант не думал о проезде через загруженные участки, просто расслабился и опустил руки по швам. Концерт проходил на ура. Собрать больше двух домов за день было невыполнимой задачей. Главный безработный танкист хвастался на празднике, что однажды собрал три дома. Но улиц с таким количеством зданий найти было сложно.

Люди возвращались из похода и открывали ставни на калитках. Самые уставшие ещё открывали калитки с обратной стороны. Увидев вдалеке музыканта, они отворачивали взгляд и гуськом шли в его сторону. Музыкант тоже сидел на корточках и ждал, пока все соберутся в паровозик. Держаться за пожитки было неудобно, поэтому руки клали на плечи впереди идущих. Хопарес запел нудную мелодию и все, переваливаясь дружным шагом, пошли по кру-

гу между домами. Чем больше закоулков они обходили, тем длиннее становилась их линия. А потом звенья стали теряться, как теряются мошки в урагане. Главная остановка была у входа в районе.

Все заняли свои места, а музыкант заполз на самодельную сцену. Люди с красивыми ушами сверкали ими ввысь, а страшенькие придавали шарма.

Хлопарес, ударяя ложками, стал притаптывать пакет от чипсов, выговаривая сложные окончания слов. В паузах все ему подпевали. В длинных паузах, сидевшие по краям, изображали из себя прожекторы. Сначала морщинами лба, а затем уже обхватив живот ладонями и двигая плечами.

Тем, кому с задних рядов было плохо видно, ложились на землю и катались из стороны в сторону. Когда им что-то мешало это делать, зажигались свечи и показывали на них пальцами.

На разогреве был борец с неваляшкой. Сначала он играл мышцами, а в завершение своей программы показывал миниатюру с моющими обоями. Добровольцы помогали ему их мыть. Остальные злились и скрипели сиденьями. Трава росла медленно, когда её не поливали. Это лишь омрачало выступление Хлопареса. Но он пел и пел, не останавливаясь.

Последние ряды стали испаряться. Музыкант этого не замечал, но это было заметно. К середине ряда, злоумышленники организовали голосование, кто уходит первый, а кто второй. Переживали те, которые вообще не уходили. Но на-

чалось волнение в обществе. Кто-то выкрикивал имена, были и те, которые называли фамилии. Хлорапес начал забывать, какие песни уже были спеты, а какие ещё не написаны. В неподходящий момент свело ногу, и она начал петь одной рукой.

– Хватит, но давайте ещё раз! – пытался восстановить свой авторитет в лице слушателей Хлопарес, показывая цифры пальцами.

– Ура! – обрадовались пенсионеры. Поток финансов тек под ногами к выходу и дальше уезжал на вновь пришедшем прицепе.

Концерт разразился новыми красками, люди тряслись и подпевали, кто чем мог. Были те, которые снимали шляпы, обнажая вторую пару футболок. Но не все могли похвастаться новыми косилками. Начиналось что-то воображаемое. В толпе, которая почти поредела от боя курантов, стали появляться новые стилиаги. Бегали адекватные кабанчики, а за ними носились девушки с длинными волосами и пытались поясами расписаться в воздухе. Люди с видеокамерами хвастали ими перед соседями.

Хлоперас, закончив свою последнюю песню, встал на колени и поблагодарил сотрудников газовой службы. Открыв чемодан, он сложил в него ложки и немного себя. Курьеры унесли его вещи в неизвестном направлении, а сам он стал отходить к домам, в которые стучал. На стенах остались отпечатки навесных замков. Подойдя к ним, Хлопарес стал

подбирать ключи. Один подошёл, но музыкант этому не поверил. Вмятина на стене первого дома превратилась в кошку, а в заброшенных домах образовался запах палёной резины. Дым был зелёный, и его можно было набирать в бутылки.

Хлопарес, решил, что его прощальный концерт начался слишком поздно. Он слишком популярный, чтобы собирать дым в банке, а слушатели слишком сильно сидели. Нет преград для написания нового хита и выхода с ним референдум. Он достал скотч и закатал его за пояс. Впереди было ещё много задач, а песни ждали, когда их пережуют. Он вынул из-за пояса ножницы и кинул в ямку в асфальте. Глубина оказалась приличной.

Когда успокоился сектор и дома превратились в спящих красавиц, Хлопарес вприпрыжку родил новый хит. Закинув ложки за спину и накинув на себя шкуру мамонта, он отправился покорять новые частные сектора. Старые же его песни никто больше никогда не слышал.

Запах в коридоре

Что-то не так в атмосфере помещения, первым это заметил Замарок и передал поручение своему лучшему другу Корамазу. Второй был женат, поэтому не сразу принял данную информацию.

– Мне кажется, или пахнет клопами? – спросил Замарок и скрестил руки на груди так, что закружилась голова.

Корамаз понюхал, но промолчал. Жена запретила ему отвечать на первый вопрос в день. Супруга у него была строгая, но высокая. Поэтому он её беспрекословно рассматривал каждое утро.

Замарок знал о запретах своего товарища, так что через восемь минут переспросил, задав тот же вопрос, но изменив слова местами.

– Да пахнет, клопами, – Корамаз был заторможен, но иногда отвечал быстро.

– Не ври, гад, клопы не пахнут, – ласково возразил своему другу Замарок.

Корамаз отошел за ширму и вынес оттуда три грязные сковородки. Протянув одну из них своему оппоненту, он разложил остальные на земле, встал в них ногами и сказал:

– Нюхни скорее, а то засохнет.

Замарок затаился полной грудью, прокашлялся и задумался. Это единственное, что он умел в жизни, и проделывал

вал всё за несколько секунд. Закудахтали бухгалтера и появились новые вопросы. Сковорода пахла, но не тем, о чем говорил Корамаз. Запах был не от клопов, скорее ягодный. Когда подоспели две другие сковороды, их тоже понюхали. В этот раз запах был похожий, но не настолько глубокий, как декольте певицы из аптеки.

– Может, пахнет цветом штор? – предложил Корамаз и зевнул.

Замарок смахнул с себя плед и стал нюхать шторы у каждого окна и те, которые лежали на стирке в принтере. Некоторые показались ему влажными и противными, но запах не соответствовал тому, который он уловил ранее. По поводу этих ароматов вопросов у нюхающих не было.

– Утром внизу рабочие пилили взглядом прохожих, может быть, они в процессе повредили сознание? – спросил Замарок, нанюхавшись штор.

Вопрос был справедливый, но преждевременный, так как подозреваемые ещё не закончили свой перечень работ. Это не понимал Замарок, но вопрос был задан и произнесен уверенно. Можно было бы переиграть, но ведь «Слово воробей – вылетело – подбей», – думал он и переживал.

Корамаз постучал друга по плечу и ответил:

– Согласен, нужно нарисовать и отправить на почту. Доставай ящики для хранения.

Друзья прошли в большое помещение и сели за журнальный стульчик. Корамаз достал нюхательные смеси и стал го-

товить обряд. Когда колба наполнилась порошком от высушенных фиников, он закрыл видные места платками и приложил палец к губам. Замарок все понял и притих. Сразу вытягивать запахи было запрещено законом, поэтому он старался не дышать. Когда чёрный дымок пошёл снизу, он смахнул с себя стеснение и подставил нос под прием информации. Запах окрылял и поднимал настроение, но похож он был совсем на что-то неземное. Это было не то, что хотелось, но обижать людей не было возможности.

– Я считаю, что этот запах чудовищный и всё равно претендую на ответ, связанный с клопами, – не унимался Замарок, почёсывая полотенце.

Корамаз отрицательно мотал головой, но в душе соглашался со своим прошлым. Взяв в руки орден, он рассмотрел изгибы и спайку и предложил:

– Предлагаю найти клопа и сравнить запах, если он вообще есть, с тем, что был обнаружен ранее! Если запаха нет, я буду зол, если есть, придётся отдохнуть.

Друзья взялись за провод и вышли из себя. Упав на пол и рассматривая лупой щели, они весело начали искать клопа в трещинах гранитных памятников. Было светло, но приходилось периодически тяжело дышать. Кто-то иногда валялся на улице, но это не отвлекало искателей.

Через час позвонила жена Корамаза, но, когда тот нарезал киви, молча повесила трубку и обиделась на курьера. Вечером он её пытался найти, но до этого момента ещё немало

времени. Сейчас же он ползал как мышь, и был занят с головой. Этим воспользовались бандиты и убежали из тюрьмы. Корамаз и Замароком сначала за ними побежали, а потом устали и вернулись. План «Перехват» отменили из-за недостаточно освещённости разводного моста. А когда собрались зеваки, стали пускать дешёвый салют.

Клопа нашли в баре, но идти добровольно он отказался. Пришлось ему связать свитер. Комараз был тронут до глубины души, когда тот переодевался. Его посадили в коробок и пустили по ветру.

На месте он оказался с опозданием. Замарок успел подмести и помыл таз. Когда Корамаз увидел, чем тот занят, то сразу же разложил стол посильнее и расстегнул баночку. Все медленно стали ходить по кругу и друг друга обнюхивать, запахи смешались в модный коктейль. Пили по очереди и семечки выплевывали с верхнего этажа на прохожих. Весело совсем не было, хотя все могли так подумать.

Запах не сошёлся и Корамаз стал зол, как и обещал. Все отступили на шаг назад и принялись его гипнотизировать. Действовать нужно было оперативно. Клоп взял в лапы прялку, но поднять её не смог. Та была в десятки раз больше насекомого и прибита к полу скрепками. Замарок стал кричать, пока хватало на всех подарков. Но номерки могли в барабан не кинуть, и тогда пришлось бы объясняться. Запах был отвратный, бежевого цвета. А когда он стал кремовым, все посчитали, что такой оттенок самый модный и нужно остано-

виться на нём.

– Давайте будем мерить, – сказал Замарок, накинув вуаль на мебель. – Пока цвет подходящий.

Цвет был действительно подходящий, а свет приглушали перегоревшие лампочки. Корамаз подполз под лазерными лучами и стал сравнивать запахи в таблице периодической системы вони. Напряжение создавало эмоции. Он начал успокаиваться и приводить подозрения к общему знаменателю. Что-то здесь было не так, как хотелось ему утром, и как днём, видимо, перехотелось.

Клоп, понимая, что его разоблачили, снял с себя костюм тройку и остался в одних спортивных штанах. Заметить это было сложно, он был мал, да удал. Но костюмы выбирал профессионально. С этим поспорить из присутствующих никто не мог.

– Дайте мне его. Хочу щёлкнуть по нему дыроколом – вдруг потребовал Замарок, перебивая одеяло на сторону нападающих в матче против приезжих.

Все пропустили эту фразу мимо глаз, прикинувшись, что заняты пайкой оловянных солдатиков для деревянной выставки на переломном моменте.

– Дайте мне щелкнуть! Хочу по дыроколу им! – переформатировал требование Замарок, но почувствовал, что и это безрезультатно.

Корамаз держал наготове летающую тарелку и разминал шею зевакам. Сам же он был размят так сильно, что напо-

минал кинетический пластилин в пластиковом стаканчике. Оставалось только ткнуть в телегу гвоздём, но ждал приказа. Замарок обман почувствовал почти не сразу, на следующий день. Но сейчас действовал в рамках закона. Где были его руки, мог догадываться только тот, кто часами проводил в походах.

Погода сменялась над нависшими неприятностями. Комараз вспотел перед своим другом, но ноги его выдавали. Раскачиваясь на кольцах, он повалил игровую стенку за борт и обозвал клопа по имени его недругов. Тот напрягся, хотя раньше никогда не умел так делать, и испортил атмосферу запахом утренних подозрений.

– Так я и не знал! – завизжали хором друзья, а им подыгрывала на заднем фоне, подъехавшая к месту событий жена Корамаза. Тот обнял её за ноги и пытался вынести через люк в потолке. Когда тот открылся в последний раз, он вытолкнул всех из помещения, а сам, зажмурившись, пошёл, хотя до этого принял решения только стоять. Место было не престижное, а поднимать авторитет в группе юных электриков приходилось всеми возможными силами.

Клоп без чувств плыл в бумажном кораблике по ручейкам. Друзья пытались его догнать, но тот свернул за угол и вызвал оперативно такси. Пока они подбежали к стройке, клоп уже покинул границу и все медленно пошли обратно на фоне взрыва в стене. Супруга Корамаза напоследок предложила сфотографироваться, и они все отказались. Радост-

ная атмосфера наполняла округу и обходила стороной то место, где они находились.

На следующее утро в журнале «Охота и лень», вышла заметка от известного журналиста, про угнетения прав клопов в отношении запаха помещений. Говорилось там о каком-то тайном обществе из двух представителей, втайне похищающих клопов в барах и заставляющих их вонять на публике. После сравнения ароматов, клопы обычно скрываются от добропорядочных обывателей на свободных машинах такси и в оперативном порядке покидают границу. Заканчивалась статья анекдотом про неработающую колонку.

– Что за сериал мы вчера смотрели? – удивлённо спросил Замарок у своего друга, показывая статью в журнале на сетке от моли.

Корамаз сомнительно махал головой, а сам обдумывал ответное письмо, с текстом опровержением. Собственно, образы уже сложились в кубик. Оставалось только надеть противогазы, выдавить немного пасты для чистки замшевых туфель и погладить новое покрывало. Все это можно было отложить на завтра. День был сегодня приятный и не вонючий.

Клоун на распродаже

На стоянке, возле ярмарки медовых банок, людей было немного, хотя о предстоящей распродаже сообщить должны были послезавтра. Яблогруш разменивал монеты в радиоприёмнике и пересчитывал головы. Его устраивало, что рост каждого из присутствующих соответствовал размеру головы. Оставалось только рассмотреть их маршруты.

Народ толпился в небольшой куче и покачивался из стороны в сторону. Такого содружества мир ещё не видел и не нюхал. Деревья уже стали зелёными перед финальным броском. Вышел директор и обвёл всех указкой. Выручка приобретала формы кристалла. Часы отсчитывали считанные минуты. Днем ранее посчитать их было нереально. Волнение прошлось по головам собравшихся. Многие вытянули купоны вперед и затрясли булками.

Яблогруш вышел назад и высказал пожелания всех, кто не пришел. Директор был готов отступить, но доедал лапшу медленно. Горячие пары из люка придавали шарма. Товары были выставлены вдоль палаток отдыхающих волонтеров. Маленький мальчик в центре так быстро крутил педали, что распродажу чуть было не пришлось открыть раньше обычного.

– Доколи нам это трогать! – завопил Яблогруш, подняв знамя над головами.

Скрипач уныло затянул противную мелодию, а продавец блинчиков объявил о начале распродажи на ярмарке. Крупные дамы выбегали с парковки и сбивали худых ребят, продающих пирожные. Все засмеялись и пошли за покупками.

Яблогруш обходил ряды и почесывал ладони, товары были невесёлыми и собирали пыль. Продавцы не давали право на безличную жизнь и не обращали на него никакого терпения. Второй ряд сменялся первым и наоборот. Люди крутили в руках стихи, гладили воду, но покупать ничего не торопились. К обеду обещали привезти новые купоны с красивой печатью. Этого же ждал и Яблогруш, когда пытался оторвать от пола одного из продавцов. Спасти его не удалось, и тот ушёл на работу.

Бюсты прохожих были дешёвыми, но бесполезными для работ в поле. Банки пустые были заполнены, крышки не подходили под интерьер. Как выпустить из них на волю насекомых знал только главный специалист по собеседованиям. Но личная жизнь у него отсутствовала, и вопросы торможеного контроля стояли не первом месте. Одна баночка была похожа на статуэтку слона из другой страны. Другие страны были описаны в книге удивительных изобретений. Но увидеть их могли только избранные. Баночка хорошо уместалась в руке Яблогруша, и он положил её в карман продавца. А тот прижал кормом диких животных, чтобы не выпали волосы.

– Подскажите, а есть ли у вас кнопки для гадания на дне? – спросил кто-то в толпе.

Яблогруш стал искать взглядом умников, переделавших окна в кольца для баскетбола. Но игра уже завершилась. Новые игроки вытирали мяту влажными салфетками, не обращая внимания на солнечное затмение.

– На одной палатке посетители нашли баночку, заполненную мелкими почками. Разбив копилку с крышками от банок с огурцами, очкастый мастер предложил свои колени в обмен на все богатства мира.

Приехали голубые лимузины и выгрузили новую партию модных банок на трон. Из самой большой вышла литературная муза и стала выкрикивать лозунги на языке красных ценников. Становилось всё жарче и жарче.

Когда стрелки часов пробили дыру в фундаменте здания, Яблогруш вынул из кармана телефон и набрал номер на компрессоре. Замочек поддался не сразу, сначала долго ворчал и переливался всеми цветами радуги. Внутри были ценности времён создания этого пространства. Яблогруш присмотрелся в центр спирали и понял, что нужно отступить немного назад. Действительно, банки заполняли окружение и выходил второй ряд из яичных скорлупок.

Предъявители купонов стали улыбочивыми от рождения. И требовали отмены выборов. Кто-то падал на руки и вставал уже другим человеком. Запасливые надрывались над пустотой, содержавшейся над данной площадью. Багажник заклинило и всем пришлось снять куртки. Надрываясь, пузатый мужчина перенёс коробки с бумагой в офисное здание

и скрылся за тенью бойцовского клуба. Микрофон выпал из рук тех, кто стоял задом к кирпичному складу и подкапился к ногам Яблוגруша. Он без тени сомнений поднял его и произнёс:

– Что мы видим, то мы есть не захотим! Возьмите банку в руку и произнесите мое имя два раза в день! Отдайте купон стоящему рядом и совершите подвиг.

Публика несколько раз плюнула через плечо и начала активнее скупать товары на верхних полках. Площадь пустела, распродажа набирала обороты.

– Займите мне, пожалуйста, несколько замочков на молнии, – воспитанная пожилая леди тренировалась перед своим портретом на заднем сиденье.

– Ну что Вы! По завиткам из мощей перевернутого календаря, Вы довольно выразительны сегодня в полдень, – репетировала она же реакцию на ответ.

– Простите, Вы сможете меня просить, – подбежал к ней с вопросом молодой оборванец и протянул сверток старой рукописи.

– Я не смогу этого сделать, мой дорогой негодяй, – ответила ему старушка и кинула камушек в озеро, вызывая духи другого аромата.

Оборванец показал рукой в сторону Яблוגруша и залез в шалаш.

Кто-то пустил слух, что зима. А когда все вышли из состояния анабиоза, подключил расширенный пакет телевизи-

онных каналов. Ни для кого не было рассекреченной информацией, что вечером темнее, чем днём. Банки спешили распродавать по выгодным направлениям. Многие просто шли мимо, и ряды наполнялись свежими счетчиками. Когда кто-то пригибался, данные отправлялись в отчёт, и можно было узнать ответ на последний вопрос викторины. Ряды не пустели, и набирали оборот круговоротов. Вот-вот, и кто-нибудь ещё выкрикнул бы свое имя, но микрофон был потерян во льдах замороженных полуфабрикатов. А когда нашли виновника первой покупки прошлых зим, подняли его на руках и запустили узнать о предстоящих выходных.

В назначенное время подвезли новую партию свежесрезанных купонов. Все как угорелые поспешили спрятаться. Продавцы накрывали свои палатки одеялами и ложились на воздушные волны. Тень от тучи пролетела быстро, и всё вернулось к прежнему состоянию.

Первое время новые купоны принимать боялись. Опасность подстерегала там, где её не ждали, и все стали её ждать отовсюду. Яблוגруш был самым смелым на стоянке. Под лучами солнечных ванн, он сверкал модными очками и делал движения верхней половиной своего тела. Нижняя часть отдыхала после обеденного перерыва. Кроссовки запахла жареными жучками. Он их снял и проветрил. Заодно и себя наградил новой медалью за честность перед незнакомцем.

Собирался дождь прийти к финалу этого мероприятия, но в последний момент горящую путёвку перекупили те-

лефонистки. Было грустно осознавать, что они приехали не на ту площадку. В нужный момент всё раскупили, и собрались обновить свои наряды. Те, у кого банок было достаточно, открывали на парковке свои собственные пункты приёма. Продавать было стыдно, поэтому раздевались до пояса, и доктор выслушивал дыхание.

Последний раз Яблогруш обходил взглядом толпу. Неистово визжали те, кто больше ничего не умел делать. Это не отвлекало от потёртостей на одежде. Рост был приблизительно равный, и смотреть было на удивление сложно. В одном из мест, где было удобнее сидеть, засверкала цветная шапочка. В голове Яблогруша пронесли три слова:

– Диктор новостей, новости без ведущего и уборщица.

Он ещё не знал, что ни один из вариантов директор не примет. Когда конфликт возрос до сильнейших структур, Яблогруш закрывал дверь на замок и прятал ключ, это и была распродажа души. Прикрыв глаза руками от манекена, он всё понял и рассмотрел. В толпе находился клоун.

Яблогруш отбросил первую ступень и направился напрямиком в центральную часть распроданной толпы. Цепляясь за костлявые плечи некоторых читающих правила участников, он тормозил свою скорость. Разогнаться бы не получилось до нужных оборотов. Яблогруш стал кривить душой. Тяжелее в его жизни ещё ничего не происходило. Он рвал зубами майку и протискивался через туман событий. Объект, уверен был Яблогруш, знал, что его заметили и, возмож-

но, забил на этом деле. Разразившись мнениями, толпа стала раздвигать движение вниз. Тени ползали, как уставшие механизаторы. Яблогруш хватался за последние сбитые куски пенопласта и полз в ожидании чуда. Силы покидали место дислокации. Над ним нависла зависть перед матовой банкой для хранения сыпучих предметов. Это был красиво и стильно.

Рука, протянувшая ему новый купон, исчезла в бамбуковой роще. Надписи затирали спецслужбы. «Где же он их спрятал?» – ловил себя и других на мысли Яблогруш. Кинув ему шланг, он справился в одночасье, но никто не догадался это сделать. Приходилось рассчитывать в уме всё самому. Было обидно, что не получилось с первого раза.

В ход пошли кулаки. Открывались и закрывались механизмы. Парковка только наполнялась посетителями. Никто не боялся будущего и закупался на завтра свежими банками. Купивших было так много, как ножи настраивают на новой тумбочке. Яблогруш почти сдал позиции. Но цветной носочек вдруг возник перед его носом. Он поднял взгляд и увидел цель своих страданий – клоуна в красном берете. Тот крутил палец у виска, расчёсывая свежий красный прыщик. Нос его был мягким и приятным на вид. Яблогруш рассказывал потом потомкам, что даже смог немного пожать на него. А куртка была известного бренда. Яблогруш взял клоуна за руки, и они скрылись в закате.

Тень и любовь

Невеста стояла в углу гостиницы и разговаривала сама с собой. Сегодняшний день был самым нейтральным в её жизни, и она не спешила этим с собой поделиться. Губы у неё немного тряслись, а руки держались за проводку. Сидящий рядом под столом свидетель пускал погулять слезу. Он был тронут до глубины впадины в море, словами невесты о его сестре. А невеста, закрыв руками пятно от кефира, с теплотой в кружке вспоминала, как её суженый сделал ей предложение.

Лил дождь, романтика наполняла пластиковые пакеты просроченным грунтом. На каждом была картина с изображением действующих президентов разорившихся компаний. Был именно тот день, что принять в себя эмоциональную нагрузку. Жених приехал на белом асфальте, со свидетелем и большим букетом увядших цветов. Улыбка не сходила с лиц продавщиц, которые ему это продали. Он встал на одно колено свидетеля и на другое колено своего будущего друга. Долго простоять так он не смог и упал в грязь лицом. Подбежавшие дежурные контроллеры вытерли ему руки тем, что попало под ногами, и отбежали в сторону, прикрывая голову папками с документами. Жених наступил на первый порожек, скрестил ноги, сделал пьяный переворот и надавил на вторую ступеньку.

Лёгкими движениями преодолев порог подъезда, малоэтажного дома, построенного вовремя дрифта на парковке административного здания, он вошёл в подъезд и испугался. Сильнее, чем были бойлеры в подъездах малоэтажных домов, нагревающие воду. Производители заверяли, что там сидят горячие парни и трут об себя струи холодной воды. Это было похоже на правду, потому что присутствующие на конференции согласно махали ногами. Гарантия занимала ровно два года, столько, по мнению ученых, мог прожить горячий парень в таком месте, как нагревательный бойлер.

Жених медленно поднимался на нужный ему первый этаж, стараясь не вынимать руки из кармана рубашки. Там же он держал билет на концерт, который прошёл в прошлом году. Выступление было сорвано группой кочующих свидетелей, которые перепутали вход в nirvanu. Суженый потянулся к замочной скважине, но вовремя забыл, что поставил чайник на подоконник. Теперь все, напротив, могли увидеть, что он пьёт чай, когда должен его не пить.

Отступать назад было сложно, и он топнул ногой по треснувшей перекладине. Квартира за спиной наполнилась чем-то странным, а невеста жаждалась этажом выше.

Конечно, она была согласна на предложение попробовать ещё раз сходить на концерт, и потом, выйти замуж ей уже было уготовано судьбой. Суженый даже не спрашивал, будет ли она присаживаться, по её белоснежным губам он все понял без слов. Свадьбу назначили тут же на улице его дру-

зья-собутельники на день, следующий за парадом планет.

Сегодня, когда пришло назначенное лечение, свидетель залез под стол, чтобы подслушать и поплакать. А невеста вязала рукавички для одиноких собак. Свидетельница включила песню на телефоне и косилась на окружающих. Женщина в платье, воспользовавшись ситуацией, высыпала сухую нарезку булочек в пластиковую траурную тарелку, и все принялись это фотографировать.

Жених опаздывал вернуться с перерыва. На самом деле он не хотел лететь во сне и баловался с трубами. Он помнил ту ночь, когда он утром дошёл в новых брюках к подъёму на склоне горных участков и стал приглашать невесту отойти с ним в сторону. Он взял её ногу и надел на запястье кольцо. Она возмущалась недолго. А после, схватив друг друга за волосы, они поспешили задокументировать ситуацию у нотариуса. Он выключил фонарик, затушил костёр и вошёл внутрь банкетной комнаты.

Гости лежали на стене по полу, заложив руки за голову, и пели патриотические песни. Тамада перекатывался в углу со спины на лопатки, но, зацепившись за штырь, порвал полотно для видеоэффектов. Сбить с толку присутствующих не получилось и в дело пошли инструменты, купленные в интернете. Жених ходил между рядов и измерял всем температуру. Адъютант записывал показания себе за руку. Когда показаний стало слишком мало, стали зарисовывать. Все были здоровы и бодры, а кто-то даже трезвый.

Ближе к столу новобрачных в сидячем положении разводили глупых зрителей. Остальные встать не могли. Потолки были не ровные и способствовали провалу начинаний подъёму тел с головы на руки. Аниматор запускал шарик и ловил его уже на следующей неделе. Жених подошел к одиноко горящей свече и грустно махнул ей бровью. День подходил к середине и обратно сойти он уже не сможет.

Невеста отложила спицы на крышу повозки для королей и попыталась размять ноги. Пальцы были нежными, вымазанными в креме. Заметив сидящего под столом свидетеля, она прыснула туда туалетной водой и раскрыла мешок. Приближенные ко власти стали медленно выползать. А когда первый из них открыл рот, Невеста откусила банан и повесила кожуру сушиться на гладильную доску. Не хватало одного или двух. Но заполнив это пространство веревочками со строительства нового сквера, она улыбнулась и поманила к себе своего суженного.

Жених вприпрыжку пересёк преграды на беговой дорожке и встал подле супруги. Взгляды их соприкоснулись на миллиардные доли секунды и разошлись в разные стороны. «До чего же здесь праздник проходит», – подумал супруг и попробовал угадать мысли своей жены. Та ничего думать не хотела и насильно строила вокруг себя психологический барьер. За это он её и не выбрал в первый раз. Она покорила не его. Но второй раз вышла на свет, и он открыл перед ней дверь автобуса. Всё шло к этому дню, и противиться судьбе

гостей было не естественно.

Тамада уже смог заползти на люстру и готовил новый конкурс для собравшихся в соседней комнате. Там все засунули руки в карманы друг к другу и пересчитывали монеты. Набравшись достаточно знаний, стали вызывать автора выступления на ринг и стучать зубами. Тамада вышел в центр и прочел непрочитанное ранее письмо собравшимся. Это было правильным решением со стороны севера. Все поддержали инициативу ограждения поворотов в сады, взяли лопаты, вёдра и кулоны и отправились на бунт.

Молодые заскучали. Тамада развлекался, как мог, свидетель не мог найти выход из-под стола, а свидетельница была вульгарной особой. Спели песню молодости, но ситуацию не изменили. Решили встать и рассмотреть всех с высоты, но увидеть было сложно из-за пальмы. Свидетели тем временем по очереди стали переворачиваться на живот. Перевороты сопровождалась скрипом и шорохом. С одной стороны, на это было смотреть приятно, с другой стороны, всю пыль собрали без пылесоса и освободили обязанности участкового.

Жених предложил выпить просроченного срока, но супруга его поддержала. Они подошли к углу стола и надавили на край. Увидев, что творят молодые, задний ряд гостей встал на четвереньки и вытянул ноги. Кто посильнее – продержались минут пятнадцать, остальные боролись с тряской. Затем подкачали вторую ногу. Тренер вытер пол со лба сво-

его помощника и выругался. Многие забыли дома полотенце и совесть. Поэты после тренировки сразу покинули сцену.

Молодые сели в центр и улыбнулись через силу. Счастье летало в воздухе, и кто смог бы поймать, получил приз – набор овощей. Участвовали все, отказов не принимали. Победителя выбирали по его внутренним связям. Сначала пригласили разных министров, затем пришёл водитель дальних рейсов. Фотограф сделал снимок граффити на заборе и поехал проявлять терпение в темную комнату с красной лампой.

Когда счастье было поймано, а гости отлежали себе бока. Родители новобрачных взяли ситуацию в свои предложения и выполнили долг перед комнатными растениями. Удивившись, что никто не проявил терпения, повторили несколько раз за час. Крик доносился до потолка и отражался в хрустальных вазах. Загремел самовар и свалился на ватные диски. Все захлопали кошельками, провожая молодых из-за стола. Жених шёл, сутулившись, тянув за собой супругу, делающую мостик. Каждый забрал на память себе часть скатерти со стола. Некоторые, посещавшие свадьбы не первый раз, возвращали ранее забранные кусочки. Но в целом всё вышло очень романтично. Бабочки, живущие не больше одного дня, продлили членство в библиотеке и зажмурились. Радостный день наполнял животы, а улицы светились разноцветными вырезками газет. Листья были сухими вновь, и молодые это понимали всем сердцем. Пуговиц в конце совсем не осталось

и лишь не подрезанные ниточки кружили на ветру в штиль.

Что до радости, то она определенно существовала в тот день в карманах, нуждающихся в ней.

Летнее отопление

Тканей было много, все разного цвета, запаха и мировоззрений. Аккуратно сложенные в кольцо, они образовывали старомодный тазик. Солёный ветер обдувал футбольные ворота и теребил бесхозные кожаные остатки бывшего волейбольного мяча. Лавка поскрипывала под натиском шифера, а колеи раскатанной грязи булькали крупными пузырями. Одинокий пёс вдаль покусывал отслоившуюся штукатурку и почёсывал живот тонким прутиком. До вечера оставался ещё целый день и утро.

Старушка номер один заговорила первой, почесывая нос от висевших на нем ватных палочек:

– Скажите-ка мне милые подружки, а что, зубатый с крайнего подъезда купил себе новых друзей на складе?

Старушка номер два открыла заспанные подарки и уставилась на ноги.

– Насчет друзей не знаю, но я слышала, он аккумуляторы разряжает в заброшенном доме, – опередила ответом старушка номер три.

– Ах, какой коричневый. Весь в отца кипяченого! – недовольно прыснула старушка номер один. – А что там у нас по программе на вечер, будем инопланетян собирать? – развивала разговор первая, перебирая ногами компакт-диски.

– Наверное, но они ещё синие. И ноги в этом сезоне длин-

ные, больше, чем вечерами, – пессимистично отвечала третья, не давая вставить слово второй.

– Да... Помню ещё времена, когда мелкие динозаврики скупали кроссовки у токаря со второго подъезда и били ими окна в вырезвители, – зажгла первая.

Все согласно замахали платками, пока руки не заболели.

– А я слышала, что шишка вышла замуж сразу за трёх аномальных существ, – пыталась удивить подруг третья старушка.

– Ой, вечно у тебя то инопланетяне, то существа аномальные, – не выдержала молчания вторая старушка и злобно обняла своих подруг.

– Какие ещё инопланетяне? О них я вообще не говорила. Придумаешь тоже! – с претензией возразила третья старушка, скривив палочку в круг.

– А кто ж тогда это говорил? – удивлённо переспросила вторая, быстро моргая.

Все погрузились в глубокое раздумье, иногда отвлекаясь и щёлкая выключателем. Когда выключатель перестал подавать признаки жизни, первая старушка привстала, наклонив лавочку в обратную сторону и произнесла:

– Довольно детектива, продолжим ворочаться! – и укусила вторую за плечо.

– А вы знаете, кукушка с ближнего окна мебель выносит. Хахаль её выпил весь сок на выходных и из дома на вокзал отнёс служебный вход, – ехидно отметила третья старушка

и прищурилась на подруг.

– Быть такого не может, он хилый как турник на морозе, – возразила первая и снова укусила вторую, но уже за локоть.

– Я Вам честно говорю, мне повариха рассказывала, а ей это во сне приснилось на прошлой неделе, – не унималась третья, рассматривая укусы на второй.

Пролетел час, вторая, менее разговорчивая старушка, съела мандарин и похорошела. Разговаривать никто не хотел. Вторая не могла это долго терпеть и выдала:

– Говорят, на траве молодые спортсмены стеклышки складывают.

– Кто это ещё такие – молодые спортсмены? Засекреченные агенты что ль? – спросила третья. – Не может быть! Туда лезть три дня, за это время пупок расцветет и руки вспухнут.

– Я такое в молодости видела, яркое зрелище, – ужаснулась первая, доедая косточки от арбуза.

– Как ты такое видеть могла в юности, если тебя нам уже старухой из параллельной вселенной выдавили. Чушь гонишь суеверную! – обиделась на речи третья старушка, доставая вишенку из кармана.

Старушки обнялись нежно и пообещали больше сегодня друг друга не обманывать. А в знак закрепления поменяли место расположения.

– Усатый инкубатор облучает своего кота, энергосберегающими лампами, – вдруг сообщила новость вторая старушка и стала анализировать реакцию.

– А делает он это как? Прижимает к хвосту или дышит на линолеум? – уточнила первая, и подмигнула второй в знак старческой солидарности.

– Мне почём знать? – огрызалась третья старушка, поймав подмигивания первой. – Пойди, да спроси сама у грустных инженеров.

– А они почём это знают? Инкубатор, что ли с ними по балконам шатается? – вторая решила поддержать свою подругу номер один.

– Ну вы даёте, девочки, он же для них камеры наблюдения точит, – в оправдание заявляла вторая старушка. – Пока сожительница в кастрюлях мелочь копошит половником.

– А он что, с женщинами бесится? – удивилась вторая, застёгивая наручники.

– Да всегда, как соусом сырным уши измажет, выползает сожительниц себе искать, – помпезно заявила третья, показывая своим лучшим подругам, что она в курсе всех важных информационных блоков.

– А живёт он с которой, хоть красивая? Или так, ведро наизнанку с бакенбардами? – завистливо задала вопрос первая старушка, скрывая тоску.

– Ой, ну как сказать, есть у неё палка, ей она и гоняет по городу, – ответила, вспоминая, третья. – А, может, и не палка совсем, а так, иллюзия.

– Ты лучше скажи, как ты давеча лысину моряка увидела из мусорной корзины? – предложила перевести диалог

в более интересное направление вторая старушка. – Мне злоумышленник в общественном расположении шепнул тихо.

– Да я бельё пачкала на заднем дворе, там новую мазуту накопили, и смотрю – в кустах шевелится что-то сиреневое, – начала рассказ третья. – Присмотрелась через перила, а там лысина чья-то в корзину тычет макушкой. Я так испугалась! Белье побросала и на мотоцикле поехала в райцентр. А уже когда узнала, что нет у нас такого центра, от него ничего не осталось.

– Да ты что! Вот гад окаянный! – возмутилась первая. – А я ему ещё, по доброте душевной, луковые кольца на ручку натирала.

– Так ты не ему натирала, – уточнила вторая. – Ты ж говорила, что там просто арка с бахромками. И красивые цветочки нашиты, как на простыне с барахолки.

– Опять у тебя лучи из ушей завибрировали, – возмутилась третья. – Чушь полезла из баклажки.

Вторая старушка обиделась на подруг и прикусила губу. Первая хотела её обнять, но пожалела бездомных котиков. А третья разглаживала новую сумочку.

Посидели так ещё час, пока вторая не обменяла обиду на коллекцию значков и имела возможность продолжить разговор с подругами.

– Сад у меня опустел, как спички в коробке, – тихо произнесла вторая старушка, в надежде, что остальные не слышать полностью её слов.

– Меня тоже гад запустил, как птичку в закутке, – согласилась первая, поддерживая подругу. Третья махала платком, не понимая, что она делает.

– Да сейчас все такие, – тоже внесла свое слово последняя. – Рады, что хрустел, как водичка налегке, – и ещё раз махнула платком в знак согласия.

Прошел ещё один час. И ещё одни. Когда бабушки проснулись, началась суета.

– Сейчас все такие прозрачные стали, как ограждение на митингах, – заявила старушка номер два. – На днях, давеча, вышла погреб себе примерить, да обратно уже вернулась, и не устала.

– А что ты хотела? – продолжила тему первая. – Нацепят на себя кости рыбы и чешут друг друга за сараями. А потом ещё удивляются, почему это волоски такие грустные на запястьях болтаются.

– Да-да, ничего личного у нынешнего поколения нет, – третья не унималась. – Вон в транспорте и то у всех глаза навькат, достанут рамку и крутят на голове. А вчера вообще в новостях передавали, что неизвестные стали стипендию начесывать на затылок.

– Что ты, что ты! – удивилась первая старушка. – А по какому холодильнику писали об этом?

– Какому-такому холодильнику? – переспросила третья. – Шары накрути. У меня только веники в чехле.

– Ох, напугала окаянная, – расслабилась первая. – Я, бы-

ло, подумала, что холодильник переиграл.

Старушки замолчали и задумались каждая о чужом. С неба немного накрапывал песок, а снизу ручейком полился снег. Пробегали минуты с бродячими утконосами. А молнии теребили потерянные упаковки от кукурузных хлопьев. Удачно покупкой зажигались потерянные круги на полях, и начинало холодать за горизонтом событий. В окно посту чал сторож с завода и кинул перчатки на беспроводной счётчик калорий. Подходило время собираться по дискотекам.

– Что ж девчата, засиделась я сегодня что-то с вами, мне ж ещё синтезировать пятна на блузке, – потягиваясь, сообщила подругам старушка номер один.

– А как же партия по пустым рюмкам на верхушках стикеров? – удивлённо спросила вторая и замяла один палец своей подруги аккуратно, но нежно.

– Да я что-то решила, что нет у меня нужных расцветок плитуса, – ответила первая. – И потом, когда зима окинет мусором крашеную кору, меня уже не будет за столом. Я же там просто сидела, и вставать не думала сразу.

– А я, наверное, пойду цветение тополя фиксировать, – добавилась в разговор третья старушка. – Слышала, если собрать несколько корней разом, можно избавиться от соседа с почтовым ящиком.

– Я тоже такое слышала, – подтвердила первая старушка, хотя сама на самом деле не могла такого слышать исключительно с психологической точки зрения.

– А ты мне тут согласия не подсовывай, а то я тебе выключу обогреватель, – сделала замечание третья – У меня как раз кран застрял под кошачьим наполнителем. И я могу в любом момент на него встать ногами босыми.

Первая старушка испугалась не на глаз. «Без обогревателя как топить летом?» – подумала она.

– Девочки, давайте не будем на святое переходить, – предложила первая старушка. – Обед войной, а отопление по расписанию движения поездов.

Две остальные согласно замахали платками, лишая себя последних сил, а затем гуськом медленно, но верно, разбрелись каждая на свою дискотеку.

Лужа в тени

Дожди летали вторую неделю и мешали играть в карты сонным тетерям. В такую погоду сложно было придумать, чем заполнить отсутствующие плитки на уцененных продуктах.

Лужа сидела напротив углубления в пространстве и пыталась оживить палочку. Когда-то это палочка была ничего, а теперь она, застывшая, вызывала злость у всех двигающихся объектов. Лужа ещё раз попробовала её на вкус и закопала обратно в мешок с песком. Темнота нависала над улицей города.

Когда-то здесь был солнечный жаркий район, но диспетчеры построили огромную искривлённую стену, напоминающую сколиоз, и забыли наверху доделать скамейки. Теперь эта стена помогала расти детям с одной стороны и отбрасывала большую тень на этажи. Туда не хотела заходить Лужа, но её всегда тянуло к фундаменту. Мешки с песком обычно она зажимала руками, но в этот раз спасение потребовало решительных действий.

Лужа надела на уши пустые баночки от ватных тампонов и присмотрелась в книге инструкцию на бумагу для запекания. На видеороликах проплывали моряки и подкидывали мусор в космос. На третьем уголке она нашла нужную дезинформацию и прочла её в мегафон.

«Если вы вошли, а палочка застыла, поправьте чепчик и заведите дневник. Стоимость ворот всегда исключают мнимые истории. А когда прогноз выпадает на последнее слово, то погода переворачивает всё с головы на ноги. Развяжите праздничную ленту и положите в той же тени вместе с застывшим объектом. Раскройте чакры и выпустите в цель поля сознания, когда плакат уже будет висеть на стене. В это время мальчик-курьер, размахивая стрелками и сносками, заголосит о предстоящих подходах к жилым массивам. Палочка поднимет монеты и предложит обнять плюшевые игрушки. Воспользуйтесь ситуацией».

Лужа закрыла книгу, но делать ничего не хотела. Информация был явно возбуждающая интерес. Нужно сделать всё быстро и на скорую ногу надеть носок. Головной убор в тени принято было снимать, если его шов шёл сбоку от владельца.

Лужа достала другу палочки и разложила её на части. Составив ромб из шариков подшипника, она щёлкнула пальцами и достала из сырой коры, четыре нефритовых лягушонка. Двое сразу уехали, а оставшиеся были ненастоящие.

Разворот принимал участие, но без движения. Крепчали новые погодные условия. Тень была достаточная, мощная и этого было вполне достаточно.

Засветился огонёк, черные точки темнели. Лужа заметила, как изменилась её жизнь пока она занималась спасением загорающих. Было приятно осознавать новые потоки информации.

Палочка подала первые признаки изменения цвета. Восторгаясь излишками света, группа переползла в наиболее тёмные участки окружения. Рождался хром, и все были счастливы. Объект распускал слухи и немного не понимал, как ему сдать лишние пломбы в отеле. С одной стороны, информация оказалась ложной, с другой стороны всё ещё светила звезда жареной энергией.

Лужа не умела ловить пух, поэтому эту часть информации в книге она рассказала близким руководителям. Взяв палочку с собой в поход, она весело играла на губном протезе в лишних карманах. Спереди всегда был квадрат, к другому боку привязали что-то, напоминающее полосу с огнестрельным карабином. Ключи болтались на верёвке, как потерянная лошадь. А в облаках нельзя было увидеть, что на завтра приготовил заместитель.

Лужа тихо сидела в тени и пыталась оживить палочку. Задача была важная и непростая. Это понимали и люди и те, кто считал себя выше всего этого. Не понимал только первый из тех, кто утром проходил мимо. Но он был настолько низкого роста, что не смог бы понять и на следующий день.

Палочка первый раз за этот год попросила не дышать на неё потным пластиком. Лужа обернулась и поискала носом, кто бы это мог не делать. Игроки уставали сильнее обычного и поддались натиску ситуации. Ей принесли свежие тапочки и ватный сахар. Вставать раньше обычного все строго отказались. Зачерпнув побольше речной воды в по-

ловник с ржавым отверстием, Лужа попыталась все исправить. А когда ногти выросли до размеров мирового рекорда, жадно попытался отпрыгнуть.

Оставшись наедине с палочкой и двумя парами балетных тапочек, Лужа снова открыла блокнот и зарисовала рядом с ним свои действия, которые производить ни за что не начинала бы. Соорудив из ворованных средств маленький алтарь, она капнула на него ароматами палочки и выиграла время ночных смен. Вручную доставить половину дня из двадцати трех ведений сразу не получилось, пришлось два раза посчитать до тридцати и вернуться к предыдущему включению. Одинарные подруги не узнали бы, что дни уже прошли. Последнее усилие было напрасным незнанием ручных оформлений.

И вывод не дал результатов. Палочка откинулась на спинку скрипящего кресла и оформила новый заказ.

Прошлыми достижениями хвастались новые данные. Лужа думала пустить на самотёк все подсчеты математических цифр. Складывалось и вроде как даже подходило в нужный размер. Но несогласие летало в окружении. Возвращаться уже не было сил. В срочном порядке подошли те, кто был в теме.

Наконец, все посмотрели на причину сдачи подтягиваний. Брусья украли ещё утром, а вечером построили на этом месте магазин обуви. А в летние месяцы воспоминаний требовали в приказном порядке и делали связи.

Палочка развернула первый листок, а фантик положила в трубочку. Один единственный день у неё был, когда должны были поставить. Лужа задумалась, сложив ладони друг с другом. Ошибка могла возникнуть из-под земли. Копать, ускоряя мельницу, Лужа не собиралась. Но рождение у неё было легендарным, хотя и скучным. Она была остаточной и поливала цветы по будним дням. Решение развернуться и уйти было страховым случаем. И этого никто не понимал, когда все согласились, но никого не было на месте.

Лужа присела устать. Её раздражали волосы на лице. Улыбка не сходила с обложек журнальных статей. И факт подъезжающих богатых изобретений не отменялся законом о хранении кружек над неработающей раковиной. Лужа отмахнулась от очередной мухи и приобрела опыт.

В определенный момент начались переговоры с ушами на стенах, а свидетели отсутствовали. Разговоры об интересах приобрели понимание виновности того, что здесь в тени происходило. Первой хотела выступить палочка, но оказалась неодошевлённым предметом, второй вышла Лужа, а больше никого и не было. Уважение приобрело оттенок помощи. Серьёзная проблематика была именно в неожиданном приезде. Лужа оправдалась, а в знак справедливости ей выдали набор одноразовых вилок.

К тому времени, как всё это безобразие закончилось, палочка пришла в себя и смотрела юмористическую передачу. Третий листок благополучно образовал стопку. Лужа се-

ла рядом и обняла себя за колени. Выучив все имена кругов под глазами и звездочек на экране, она повторила перед выходом все, что вскипело. Смешные моменты оплакивали, а грустные осмеивали. И только в нужный момент стрела сломалась пополам.

Луже нужно было дождаться только лишь шестого листка, и вход стал бы бесплатный. Но коммерция закатывала глаза при виде рваных брюк. Закидываться фрагментами было лишним. Ударение падало на второй слог, а персонажи отрывались и помещались на новые места. Только после этого все, кто хотели длинные сосуды закупорить до окончания отпуска, заметили брожение с обзорных экскурсий.

Проверять факты роста приехал на пароходе нужный специалист. Ненужный тащил чемодан с горстью перца. Открыв пудреницу, важные люди так и не появились, и проверка началась в праздничной атмосфере. Колпаков на всех не починили, и машина выехала за черту города. Палочка показала, где у неё, по её мнению, отсутствуют необходимости. И наблюдала за собой со стороны. Порядок был налажен практически сразу же.

Попрощавшись, специалист поздоровался и начал второй круг движений. Капля вновь смазала спицы, и тёмный цвет показался уместнее. Сошлись звёзды и крепление выскочило на скорости. Палочка насильно бросила взгляд в сторону Лужи и из тени, спрятав остальные решения, материализовала сразу шестой нужный листок. Лужа не стала его брать,

а переместила сознание в другую тень.

Хитрый план*

Выйти не вовремя это ещё целое дело, зайти боком – вот самая главная сложность. Двери механической субстанции на колесах распахнулись перед носом, и народ жадно стал выхватывать и разбирать прохладную атмосферу. Дефицит был не только кислородных бактерий, но и поглотителя избыточного пара плотских станков. На текущем пункте приёма поношенных нарядов выдавливаясь никто не собирался. А вот вдавиться проявили интерес аж двое копателей. Один был никому не знаком, второй же познакомился вместе с собой при организации.

Шарипок ввалился, как замазанный тапок, и принял позу на свободном пространстве. Путь был грозный и разнообразный. Все бруски ему хотелось преодолеть за один хлопок, но ведущий банкета, намазывал даже лишнего. Кубики под зонтом прятались от яркой коробки. Изначально Шарипок даже обращал на них рисунок на коже, но с течением разочарования, достал осмотрительность и записал, как ему это удалось. Затруднения в показателях были понятны только подготовленным. Но когда пробки выкинули в костёр, время пошло по иному маршруту. Точки пролетали быстрее самих себя.

Первый перерыв после открытого люка вышел незаметно в поле. Второй был ярче, но свежести никто зарисовать

не успел. Пришлось ждать пункт следующего вопроса, который с нетерпением ждали собравшиеся. Линии были чудовищных уменьшений, и приходилось каждый раз срезать пряди. От всей этой увеселительной беседы Шарипок испытал жажду наживы. Жить было не с чем, но влага не испарялась. Субстанция была вся изнутри пропитана сухостью, чувствовалось это и снизу.

Шарипок поправил себя на слове и не смог уместиться в квадратном участке. Пришлось съёжиться в мыслях о главном и зажать лист на месте преступления. Ноги подбирали злоумышленники, и было видно их довольные ухмылки, когда они доставали лекарства из запотевших бокалов зелёных слизней. Шарипок сжимался в образ квадрата и видел круглые очертания своих будущих периодов рождения. Уместиться в обогреватели было сложно, Ступни и ладони – это единственное, что оставалось после выпускного. Зажатые мысли бурлили, как кипящий поток вдоль огней, вырывающихся под звуки тяжёлой макулатуры.

Где-то в образе туманных очертаний возникло явное и яркое предложение поесть пиццу. Шарипок, переваривая все мысли в кастрюле с плоским дном, понял, что скорость была достаточно высокая для выдавливания из себя ответа в нужный период закрытия компьютера. Скверный по пробке вновь дал о себе знать после резкого разворота сознания. У Шарипока поменяли температуру местами в задании и передние карманы. Но тело и сознание, мысли о зав-

трашных восхождениях переполняли заказы не востребова-
ных и обманутых комментаторов. Шарипок попытался под-
няться, но его угнетала мысль о сломанном принтере. Эта
мысль жарко и едким запахом объедала волосы на ногах.

В какой-то момент времени ему показалось, что его го-
лову прижимает к полу кузница. Но лишь мойка домашних
пылесосов вернула чёрные линии на нераскрытых домаш-
них деревянных окнах. Один из посетителей стоп субстан-
ций сделал замечание курьеру о нарушении правил раскры-
тия речных Фэн-шуй календарей. Все бодро заткнули уши
тампонами и освободили розетки для новых победных свер-
шений.

У Шарипока наконец-то возник план: выбраться на один
из блокпостов раньше, чем возникнет неоновый свет и прой-
тись вдоль мигающих микро-лампочек новых прилепленных
зажимов. Этот план был неплох, но ёмкость повыше, чем пол
и ниже, чем накаченная грудь напоминала пустыми звуками
громкие заявления избирателей. Самый пьяный из всех ле-
тевших снизу вверх и сверху вниз предложил, что резкий по-
ворот избирательных кампаний, когда антенны падают с са-
мых верхних этажей девятиэтажных построек, увидит успех.

Шарипок не дослушал этого солнца, резко ударила об ли-
ца тех, кто пытался прорваться в толпу сначала очереди. Ему
было их жалко и весело смотреть те сериалы, которые он
пропустил в прошлой жизни. Он достал свои руки в нижних
отсеках и стал записывать, перечисляя всех тех, кто впереди

салятся и давят на колени, когда этого меньше всего хочется, вставая по утрам и заваривая кофе.

Бахрому сдавали все за одного, главное, что в шапке с цилиндром и с пианино подмышкой. И непонимающие распознавали того, кто пытался переосмыслить автора полёта.

Герой попытался скрыть список от посторонних нюхательных рецепторов на кончиках пальцев. С уникальными узорами вышивки не могли скрыть того, что в сердце содержалось недопитая чашка молока без чайных листьев.

Кто-то указал неверное место на пробке в треснувших ручках. Все засуетились, но уже во втором указании института перепутанные новыми и другими дислокациями в месте продвижения колонны парада независимых групп.

Шарипок переживал, что, даже выполнив свое заветное желание, придётся возвращать все эти забытые надежды обратным ходом, а это фактически означало, что сделать оперативно было нельзя, и он совершенно никак не смог бы. Испуг был такой сильный, что по подоконнику разлеталась мелкая пыльца от неопределившихся цветов западного полушария его города. С этим нужно было оперативно что-то делать, потому что точки дислокации оператор данного супа стационарного показания выбирал совершенно разнообразно.

В это самое время, когда Шарипок обдумал план своих преступлений, экспертная группа доделала из бутербродов сувениры и учуяла запах костра по пути выхода на митинг

против включенных не в полную меру заурядных устройств. Вынудив отправить второе уведомления, Шарипок погасил свою совесть и на остановке большого парка сделал экстренное замечание всем, кто переходил на другую сторону железнодорожного вокзала. На самом деле, вертелось вокруг большого пальца и единственное, чего не понимал Шарипок: как субстанция, всё ещё нарушая круговорот воды в природе, продолжала выключать дырявые краны на трубах старого периода времени.

Носки с легким прикусом камушков и песка напомнили всем тем, кто был подписан на передачу о здоровом образе света, что план может не сбыться, если повернуть диски и дешёвые провода для зарядки плавленной стороной назад.

Шарипок набрался смелости и решил уточнить место у себя на ладони в крестах. Процесс был тяжёлый, непростой, яркий, ветреный, вызывающий лёгкую тошноту под вторым подбородком. Когда все окружающие субъекты и объекты увидели на горизонте прямую линию, то сразу же побежали, нарушая запреты самого лучшего переднего места, которое только они смогли бы бодро почесать, заходя на вторую ступень разрушения большого сжигания денег.

Звонок раздался так сильно, что заложил несколько уровней запрошенных домов, когда все дружно начали закладывать первый верхний подоконник снежными кирпичами на переднем жарком солнечном компасе. В этот самый момент никто никогда не заметил бы, как форточка на двери

была открыта и туда лёгкими движениями поставляли незарегистрированные партии коробок, которые на распродажах могли все купить. Обман рождался именно в тот момент, когда блокировка происходила в неподходящие временные интервалы. По открытым на проезжей части космических лучей внутренним агрегаторам, поломанным звукам пылесоса и всего, что напоминало бы не пророщенные зёрна сельскохозяйственных культур, прошла информация. Домашние условия в никоем мире не подходили, когда смола напоминала слишком высокие неподготовленные создания.

Шарипок смог выполнить атмосферу той задачей, которую он себе представил в далекой-далекой и непомерно разрушенной зоне отдыха.купающиеся здравомыслящие манекены разрушали то, что оставили их предки лишь на фотографических изображениях. А говорить уже о том, насколько попутчики жидкой криогенной камеры могли нравиться в желе, направляющемся против течения брёвен и листьев, никто не хотел и боялся. Ему пришлось подождать несколько столетий, пока образовался достаточный путь для выполнения его поставленных вверх ногами заброшенных кирпичей. Они крошились в руках и пели гимны, которые законами были запрещены. Но выйти в свет своих мыслей всем удалось в нужный момент.

Когда раздался звук уведомлений и заиграли красками вдоль аллеи посадки бетонных заброшенных взрывов, Шарипок сжал ладонь на своем повторном изображении копий.

Уже не нужно было думать о тех изменениях воли, которые обсуждались на ярмарках белых крытых змеев. Волной накрывало снизу прослойку пустых копий между камнями и задумками, активно провести через разменные промежутки стен и тех объектов, которые занимали что-то в своем духе. Разобрав это всё на части, уже можно было бы насладиться коктейлем и двумя булочками пластмассовых миниатюр. Запивать не пришлось, хотя стоимость с каждым новым прикосновением волной взбиралась в ожидании. Шарипок был счастлив и расстроен одновременно. Но к нейтральной составляющей – это было его основным местом работы.

Сочный путь*

Выезд обычно занимал три новостройки. Реже пропуск занимал себя со всех сторон. Босиком по искусственной траве шёл человек, подергивая руками на бёдрах стальной пояс. Беззаботным перемещением он доставал шляпу и сверялся с разработкой. Его не смущали странные знаки, выпадающие при развороте. А кочки, которые собирали бывшие недруги, были убраны до начала сезона.

Подойдя вовремя к заброшенным магнитам, человек ещё раз открыл крышку и закрыл внутрь. Мелкие колёса удивили путь и пропустили мимо. Человек присел и протянул на-рушение:

– Доброго хозяйства!

– Дела в теме, Вдольдомака! – подумали господа.

Так он и стал героем диалога. А когда ситуация разрешилась было пессимистично по прогнозу. Привязав пожитки лианами, все бодро и вовремя выезжали с места на место.

Зелёный коридор светился, пропуская пешеходов на разгоне. А от кусанной химии должно было все взлетать. Затопры поровну разошлись в сторону, и добраться до нужного сигнала труда не получилось.

Путь был близким для тех, кто ждал за поворотом, Вдольдомаке же пришлось напрячь поводья. Город освещало запоздалыми всходами, и токари спешили стучать в обеденный

гонг. Выехал он всё же поздно. Но это не придавало белизны на аллергии. Кривая дорога по средам воображала из себя тонкую ниточку. Рассказывать всем приходилось на достопримечательностях. Он никогда, с самого старческого времяпрепровождения, не боялся загазованных склонов. А тучи даже занимали радости в поддельных бумажниках.

Жаль, что ехать было наоборот. Зеркальные квадраты проносились в деловых маршрутах. А как только ликвидировали старую сетку, заменив всё разом вместе с сушилкой, Вдольдомака отпил в горячке тихую гавань и задремал. Пропустив самые интересные борозды, свет отразился от зеркал на переходах. На кочках сидели ровно, пружины спилили за вечер. Некоторые открывали двери и проверяли высоту от пола. Кто-то пытался завести друзей, но у него получалось не лучшим образом. А были и такие, которым в конце запах казался резким, а поверхность матовой.

Высаживать всех решили по пути, собрали круг избранных и проголосовали на коробках. Большинство хотели проснуться, но видимо не осилили нагрузку трёх мест. Вошедший исполнитель, решил проверить потёртости и выпустил из рук синицу. Те, смотав нитки в рулон над дверью, поместились в трёхлитровой ёмкости. А во время праздничных мероприятий не было повода выходить раньше. Опустев, сформировали запуск после полудня. Как раз все вышли бы в поход, и наступление отразили в мемуарах. Два тома которых, кстати, выявили снижение, если покупка сопро-

вождала отсутствие печати на руках безопасных проверок.

Вдольдомака держал колени в тепле и получал целых два изображения по очереди в обе стороны. Его не смущало отсутствие связи с общественностью и мелкие недочёты в новом переводе. Поднимаясь и опускаясь, он делал эффект раскачивания лодки, но в рамках законных оснований. Когда же суета стала сфокусированной, внимание переиграло в сторону поиска анкеты. Все положения были закрыты, а марку попросту забыли заказать. Спокойствие приходило не сразу, и перелёты тоже сократили своё количество.

Когда один из срочных наблюдателей указал на мероприятие во вторник, все обратились к грузовой машине. Та в это время с тяжестью на сердце переносила, своего младшего собрата. Перевернув заднюю часть в сторону точки доступа, гусар перевозил её снова и снова, пока шляпа не оказалась под ногами. Слева от синоптиков механизмы стали срезать свежую почву под ногами и менять тёмные половины на светлые. А те участки, которые шли навстречу с пухом, жгли шариковым дезодорантом.

Путь заканчивался там, где начиналось сомнение с чёрными траурными вышками. Холодные ветры сместились на несколько посадочных мест. Ленивые кузнечики оставляли свои ролики ближе к месту демонстрации. Только таким образом, все смогли бы высунуть головы навстречу потоку.

Идея загрузить карты в машинное отделение появилась не сразу. Сначала умные собственники корчились от душ-

ных свитеров и наблюдали за восходами мелких паразитов. Вставали чёрствы́е цвета и предлагали покраску без капель осиновых грибов. Вдольдомака ждал до последнего. Предложение выбрать, что надеть после обеда, исходило с верхних рядов проезжающего боком автобуса. Но ограничение касалось каждого конкретного случая.

Позднее самочувствие уведомило по номерам, написанным на заборах, спящих красавиц. Те, в свою очередь, сделали татуировки невоспитанным устрицам. Закрутились шахматные фигуры против часовой стрелки и раскрытые упаковки, напоминающие подержанные автомобили заполнили заказной лист. Опросные бланки кончались так быстро, что приходилось переставлять комнатные предметы в сторону ударной волны. Так бы всё и застопорилось, если бы не информаторы в полосатых пижамах. Один был высокого роста и видел город с одного конца до ближайшей библиотеки.

Вдольдомака взял с собой папку и ступил на оледеневшую лаву извержения культурного центра. Фасадная плитка уже засыпала, когда нормальные водители совершали обгон, подрезая ровные участки газона. Неровная поверхность пролетала незаметными дачниками. А солнечная сторона деревянной аллеи перенасыщалась светом, чтобы затем ночью осуществить незначительные изменения в своём росте.

Пройдя в сторону можно было заметить, как подкопы одиноких путников были обозначены экскаваторным заводом. Все по очереди подходили к плитам и фотографирова-

ли на руке нерукотворную бронзовую волну. Прижимистым средством мечтали все о новых больших упаковках геля для волос.

Расширение пути планировали задолго до появления пыльных туфлей. Близость цели насыщалась носом в участках низких равнин и широких подъёмов с памятниками искусства. А когда новости раструбили о книжной ярмарке, начали расширяться зрочки. Проезжающий каток в письменной форме сообщил, что работа ведётся на жаре и необходимость в остаточных явлениях напрочь отсутствует. Рядом же дежурил профессионал на микроавтобусе, и актёр он был неважный. Служба безопасности наготове вкручивала лампочки в патрон общей люстры, и все были счастливы.

Вдольдомака сел посреди поля и улыбнулся. Путь был настолько сочный и удачный, что сводило икры ног. Впереди ждали запахи ремонтных работ, а позади порхали прошедшие года. Сколько же людей жило здесь до середины недели! И сколько будет приезжать к концу месяца.

Он увидел сложности в интуиции своих товарищей по радости и обнял пожилого пони. Ярких свершений ждали все на обратном пути. Но и это воодушевляло полную грудь едких бархатных запахов.

Губки в пене*

На стене в ванне висели две губки и улыбались друг другу. Одна была губка для тела, которую звали Телогуб, а вторая губка для ног, по имени Губанога. Имена менялись местами раз в год на другой планете, и все привыкли к новому заведению внизу. Над крышей пролетали упаковочные пакеты, остывая и успокаивая души каравана. Злоумышленники дохли под солнцем, а новые выпуски штамповали просроченные продукты.

Та, что синяя, набрала неправильный номер и загрустила. Все были неприятно удивлены, что ток закончился ещё на прошлой неделе. На другом конце столба никто не отвечал. Начало крутиться время. Телогуб поднял гантели, но улыбка так и не сошла с ленты. Потом он снова сел и до утра никто его не ждал. В сауне утро было нормальным, но девчонки равнозначно позволили прийти на следующую сторону. Телогуб ещё раз набрал номер, но уже буквами. Полная надпись напомнила несъедобные пельмени, и непонятные интересы начали пропадать друг к другу. В прошлом году Телогуб один уезжал и не ждал, пока окружающие захотели чемоданы.

Губанога во всё это движение улыбалась нервной улыбкой и трясла музыкальными ложками. Её возмущали отписки целых мешков, но вопросов задавать она решалась. До этого

поездки представляли из себя то же самое, если посчитать всех по порядку.

Молодые семьи напоминали облачные кроссворды. Ехать можно куда захочешь, а вот висеть и улыбаться пришлось отпустить с открытым ртом. Однозначные ползунки не нуждались ни в чём кроме звонков. Другие районы принимали речи по телефону в нежелательных бесформенных субстанциях.

Две взрослые губки подшевели при заходе. Улыбки стали плавающими. Стандартные старые скидки в приличных номерах были удачно расположены в горизонтальных сложностях. Оздоровление погодными условиями искали другие пути решения. Подключение снова было безграмотным, и кнопки крутились перед кончиком носа.

Старый диван для отдыха не подходил. Все расселись возле ржавой скамейки на газету. Суть происходящего была сформирована в справочнике телефонных хулиганов. Вешать бельё на ветку сирени было обычным случаем. Но ожидание всех угнетало. Когда сушка завершилась победой параллельных улиц, Телогуб решил сделать первый шаг. Но шагать он не смог по причине отсутствия мотивации. Попробовав поднять пластиковые бутылки, накаченные воздухом от потолка, он надорвал батарейки и был вынужден сложить в банку всю возможную мелочь.

Вечер подошёл заметно к сиреневому забору и раскрыл очки на самой интересной странице. Все повернулись и за-

фикси́ровали позвонки в вертикальном положении. До отбытия жарких масс оставалось не так много дней, сколько использовалось в прошлом году. Дела накапливались, а пот испарялся над духовкой. Проверка, которую запланировали провести над раковиной, не дала результатов, и пришлось танцевать в обратную сторону.

Губанога, висевшая всё это время в приподнятом настроении, запела сухим хрипом открывающейся двери. Пылинки стали ей подтанцовывать, но надолго их не хватило, и заканчивать вечерний сбор пришлось пустому кошельку. Песня высушила поля, а мангалы расставили уже на чёрные камни. Хлопали крыльями и щёлкали языками. Праздник был в самом загаре. Шея краснела, а плечи таяли под лампами синих кузнечиков. Нашествие козерогов предсказывали древние поколения, но книжки были замурованы в библиотеке. И всё это вместе сложилось в закрашенную картину.

Телогуб встал за кафедру и открыл свой доклад на второй странице. Текст был еле виден, а кофе остыло ещё пару дней назад. Он отпил из лужи и втянул в себя запахи увядших цветов. Речь началась под гимн забытых моряков. Никто не хотел слушать, но смотреть не запрещалось. Лучи жалили макушки острыми иголками, и ощущалась судорога деревянных сидений. Губанога пару раз пыталась подбодрить своего друга губку, но дотянуться не смогла. Выжимка тоже не давала особых результатов. Можно было бы попробовать заменить кран и вентиль, но ситуация на телевидении была слож-

ной с самого начала. Раскачиваясь из стороны назад, начали падать хрустальные лебеди. Их с прошлого года осталось четыре, и они дружно стали падать в пропасть. На последних строках монолога жутко и сильно стали трястись уже старые парты. Надписи стирались, а дерево держало кеды на достаточном, для спокойного существования, расстоянии. Телогуб рассекретил документ клавиатурой вниз и сел несколько раз на корточках в погребе. Крышка закрывалась туго, поэтому её отправили в космос на освоение новых материков.

Зал заплодировал лежа. Звуки разносились по всей округе и привлекали пьяных тараканов устроить драку на сцене академического театра. Выпуск оказался шедевром мирового пролетариата и силиконовые бюсты гордо установились на одном кирпиче старого разрушенного особняка. Было тесно, но все терпели. Привыкшие к промакаемым дождевикам вышли на демонстрацию днём позже, но не нашли друг друга. Расходиться пришлось ползком по шпалам. К тому времени трава уже начинала щекотать своими корнями пустые стаканы.

Губанога достала копию билета в кино и написала негативный отзыв на администратора пункта приёма просроченных продуктов. Второй шанс офицерским составам выдавать не решались. Фрагменты сна упаковали в мешок и запаяли остатками кремowego рулета.

Губки продолжали висеть и улыбаться друг другу. Иногда их взгляд падал на форму школьного сторожа, но пугающие

образы вездесущих продавцов разжигали аппетиты. Волнение постоянно переполняло вазы, и перелитая вода стекала по обоям новейшей разработки. Круг крутился по краю квадрата, и все замирали в ожидании чуда.

Когда животы были набиты закрытыми булочками, раздался звонок от старого приятеля. Обида на него в прошлой жизни стала поводом шариковой неграмотности. А шутка про автомобиль и мятые листья вывела всех на чистую воду. Голос растопил кусочки льда из соседского холодильника и задул нежными полями по волосатым ногам.

Губанога достала клей ручной работы и залепила трещину на правой обувной фабрике. Новые партии имели лишь такое название, а на деле существовали независимо от пешеходного перехода в солнечный день. Пузыри на лужах предвещали приезд консилиума. Никто никогда не подумал про зажиточных кассовых руководителей и губки были тоже из этого числа.

В нужный момент Телогуб усилил сигнал и обрезал провода на ремонтируемом балконе. Ценник просто зашкаливал и совершенно не стеснялся петь матерные частушки. Губки от звонких искр прекращали друг другу улыбаться и искали способ перевернуться на другой бок. Этого же искал и бокал с распродажи. Но даже он был не так умён, как олени на дороге популярной трассы. Особенно в момент соединения рук с плёнкой для хранения документов и приятным рассеиванием рекламных буклетов переворот назревал грозный. На-

сколько было можно, Телогуб перевернулся и снова задремал. Губанога взяла с него пример, но доела тарелку супа до дна. В счёт пошли и кубики игрового набора. Но покупать их не стали бы никогда. Так и не узнав, в чем суть сухого климата, губки обнялись в последний раз текущего вечера и потрясли канатами в сторону маски для сна. Её очень не хватало на том собрании, но исправить ремонт хотели сильно. Песня казалась знакомой, и Губанога так считала, но Телогуб запретил ей тратить суммы, превышающие вторую полку поезда. Послушав его, она вывернула карманы и зашила рваную рубашку ещё в прошлые выходные. Дни шли медленно, а висеть нравилось всему городу. Но только если никто этого не видел, конечно же.

Программа передач*

Новорожденный архитектор пришёл на шоу медленных трамваем. Помещение было овальное с майонезом на стенах и стульями в углах кровати. Здесь всем обещали найти спутницу кошелькового типа, и она решила попытать свою неудачу. А он сегодня надел очень красивые рисунки, ноги обернул фольгой, а на голове оставил волосы естественного направления. Красота была главным рекламным буклетом всех юношеских соревнований. Архитектор понимал это каждой пяткой и почёсывал подмышки два раза в час.

– Кужарамик, мы уже тут! – позвали из-за спины пенопластового памятника.

Архитектору слышать своё имя было неестественно в неестественном месте. Он зажал нос пальцами ног и принял это достойно.

Идей было несколько. Родить их предстояло в процессе, когда куча магазинных планктонов пристально всматривались в зеркало души. Кужарамик сел на стул, который в этот миг не существовал в пространстве и вылупил глаза на генерала. Шоу показывало первую идею задом наперед. Когда видео подошло к началу стола, у всех заиграло на затылке. По правилам этикета первый хлопал в ладоши, если успел их купить на рынке. Кужарамик купить их не успел, поэтому щелкал семечки медленнее обычного. Идея показалась

ему не свежей. Запах костра развеялся по перрону и окутал заброшенные электрички тонкой плёнкой забытых надежд. Пришло время произнести эту идею вслух и станцевать мораль. Кужарамик был не из робкой сотни и потряс перед генералом и его аллергиком памятной записной книжкой с красивой иллюстрацией в центре. Зал заплодировал лёжа и начал медленно засыпать. Шоу набирало обороты, и на свет появились рейтинги. Это было решительным впечатлением.

Кужарамик привстал на колени и начал активно искать глазами выход, он перебирал мысленно все буквы алфавита и дёргал указательным пальцем. Найдя точку соприкосновения, он надавил в неполную силу, но это лишь был сухой вход. Он медленно решил остаться под присмотром воспитателей.

Повернувшись, он моргнул майскому жуку, и генератор стал пускать в студию слуг народа. Они входили по очереди, медленно, в сопровождении дыма, ставшего в следующей жизни стеклом. Время тянулось так упруго, что пролетавшие года стали ощущаться оголёнными плечами.

Нервными окончаниями Кужарамик, не глядя на гостей, схватился за бороду. Та начинала обретать цвет ватного тампона, и даже перезагрузка компьютера не смогла бы помочь. Делать оставалось нечего. Пение соловьёв с бардом местного разлива, конечно, упаковали обивку деревянного стола. Но где-то они были неправы, когда утверждали, что на пере-

ходе вместе веселее.

У ведущих стали путаться мысли в проводах, и посыпались искры из глаз присутствующих насекомых. Пыльная клавиатура стала вдруг отвлекать всех судей, и позволила полосам стать оперативным овалом. Разразился гром среди хмурой земли. Все прекрасно понимали, что заливка в этот раз не сработала, но не отводили своих детей от экранов панельных домов. Когда все уже собрались с первой идеей, потухли свечи и раздался крик одинокого колокола.

Зажёгся тёмный свет. Кужарамик наблюдал душой возвращение книги на полку и сопереживал одуванчику. Понятное дело было у выпечки – все пироги просрочили выплату по кредиту и расходились на презентацию новых брошек. Там же и брелок склеивался с салфетками под красневшие перекидные листы сувенирной продукции. Первую идею сдвинули со стола и закричали друг на друга. Пришло время следующего этапа жизни превосходных панировок.

Следующую идею достали из правого ботинка, съехавшего с ладони снежного человека. Лампочки не было, поэтому жгли электричество лопатами. Ведущий встал и выкрикнул одно важное слово. Эмоциональный настрой сразу же сменился опечатками в тексте. Все замолчали разом.

Идея вторая пришла на некоторое расстояние раньше планов, и ей пришлось загорать ногами на остатках бутерброда. Возможностей была масса, а не заметить четыре дерева, одно из которых было связано скотчем, не требовалось. Снача-

ла прибывали странные объекты, затем злые и невоспитанные мелодии. И только к нужному моменту пошёл запах выхлопных труб. Дерево доставляло в нужное место. Кужарамик держал руки в карманах и посматривал на записи. Ведущий не отводил от него свою карманную собачку и подкармливал проходящих остатками вафли. Пить тоже не возбранялось, и Кужарамик открыл лопнувшую пополам бутылку с обратной стороны своих начинаний. Казалось, вот-вот, и эта идея станет важной в жизни архитектора, но он был непреклонен. Показав указательным пальцем в тарелку с нарезанными фотографиями, он отодвинул от себя ленты подарочных пакетов и высморкался у всех на виду.

Вторая идея была грустной и неадекватной, а куски шоколада испачкали новую рубашку. Предприимчивые гости надели шерстяные тапочки на голову сидящих рядом и рассматривали в бинокль цепочки на шее крестьян.

Выводить вторую идею из зоны комфорта пришлось охранникам торгового центра. Они достали плетки и щёлкали ими, пока не закружились балерины на сцене театра юного зрителя. С одной стороны, все были приятно удивлены, с другой – неприятно огорчены. Можно было встать и стоять, но архитектор решил рискнуть и придумал третью идею, выпив чашечку холодного испорченного напитка из кофейных листьев. Сморщенный нос всем доставил посылки вовремя. Но двери открывать никому не следовало. Время было такое.

Третья идея появилась не сразу. Сначала были возмущения желтизной ванного устройства. Затем пытались снять белый налет рваной футболкой. И только когда кран в нужный момент повернулся на половину оборота, чистка пластика завершилась в пользу команды на выезде.

Кужарамик улыбнулся освещению, и стал ходить кругами, раздражая муравьёв. Непредсказуемость ситуации придавала золотая ложка в кармане джентльмена в красном кожаном плаще. Этой ложкой закладывали семечки апельсина, и она уже была в статусе бывшего употребления. Третья идея предлагала проблематический поиск санатория с возвращением процентов с будущих просторов. Отдых одного лишнего дня был главным призом. Когда идея появилась в первый раз, он её узнал сразу же. Второй раз делать вид уставшего банана не пришлось. Взяв идею в оборот, он начал обдумывать путь спуска с подъёма летнего театра. В нужный момент приходилось смещаться в сторону, а иногда занимать центральную полосу. Мимо проезжали роботы с днём выходного костюма. Общение не получалось, но спать хотелось не сильно. Навигаторы ездили каждый раз по разным дорогам, но мультфильм показывали неинтересный. Объезд был справа, а слева был старый диван. Но выехав на половине пути ситуация стабилизировалась, и сцена студии снова материализовалась вокруг её участников. Зрители никуда не улетали, а просто накрылись половой тряпкой. Кужарамик обрадовался, когда всё перевернулось. Конечно, не так он хотел

представить свою спину, но так мечтали на его месте другие участники интереснейшего проекта.

Третья идея явно была сочная и свежая. Он грубо ответил на критику и положил документы во внутренний карман брюк. Микрофон стал выпадать из подставки из-за проезжающего сверху поезда, но так как он был лишь воображением, микрофон решили заменить на поездку к заброшенному дому. Кужарамик сжал руки в кулаки и зашёл в здание. Оно было молодое, вонючее и явно представляющее жилье бездомным воспитателям. Каждый угол был обустроен в круглую бочку. А памятные фотографии вообще никто не подумал принести. Запрет на смешивание начинался во второй половине ночи. Память начинала постепенно восстанавливаться на шёлковом одеяле. Розетки освободили от подключения и забрали все стаканы в стол. Сидеть дальше смысла не было, и архитектор навестил последние киоски в переходе. Развернувшаяся там структура новых колонн потребовала ликвидации кузнеца с монетами. Чеканка всегда была памятным знаком различных мероприятий, но колонны были важнее с медицинской точки зрения. А центр вообще был принят с бурением крупной скважины. Но лезть в желанья чистых прудов не следовало никому.

Ведущий направил трость с фонариком на конце в сторону архитектора и предложил закрепить идею третьего созыва на лбу памятника вождю. Архитектор согласился с этим и написал маркером на диске название фильма. Забор поста-

вили быстро, но криво, а запах начинал покалывать на кончике носа. Замечания про речь сыпались со всех сторон, и никто не пошёл за родителями. Старшие сёстры лезли вперед всех и махали плакатами перед занятием. Вода кипела на раскаленных кирпичках, и жарить яичницу не хотелось. Всех родственников, которые ругаются к старости, забрали отвести на курсы кормления. И касаться злобы отказывались от поцелуев. Любимые телефоны в разговорах дочерей меняли название имён, чтобы жить стало легче. А когда крик стал невыносимый, загорелись прожекторы над стадионом. Туда попасть было сложно, там репетировали карнавал, и многие охранники не понимали, какой за дверью месяц. По центру строили дом и видели маленькие приятные моменты. Но когда баня была достроена, все решили там жить.

Радостные возгласы крутили нужные обстоятельства на пальцах. Счастье переполняло зал, а рейтинги неслись выше гор. Такой формат был по душе гуляющим в парках, и развивать его не хотелось. Второй выпуск ждали днём раньше, но он вышел не вовремя. А архитектора никто больше не видел без идеи.

Разметка на асфальте

Тутаалитам заметил неопознанную разметку на асфальте ещё вечером ранее, но предпринимать тогда ничего не стал: кофе закипал в духовке, было не до того. С утра, когда носки были защиты, он вышел коридор и задумался. В коридоре всегда хорошо думалось, когда дырки на одежде отсутствовали. Думал он о красивых резиновых колёсах, которые напоминали розовые облака на небе. Они разлетались друг от друга и составляли романтическое послание тем, кто ещё спал.

Надев на голову пластиковое ведро и засунув крышку от железной кастрюли под майку, Туталитам вышел во двор и прилёг у свежего изображения разделительной полосы. За ночь напыление покрылось скорлупками насекомых и палочками от новорожденных листьев. Тех, кто наносил разметку, никто не видел: когда появился звук, все методично отвернулись с закрытыми глазами. Легенды гласили, что вид наносящих разметку субъектов, превращает каждого в асфальтированный путь. Рисковать никто не хотел.

Тутаалитама достал из пластиковой коробочки лупу отложил её в сторону, а в коробку сложил пыль. Анализ показал, что прибор не работает уже полгода. Может быть, он и больше не работал, но больше, чем полгода считать хозяин данного приспособления, не мог. Тучи разгонял ленивый

пасечник, и время было идеальное, чтобы исследовать разметку подробнее. Тутаалитама достал пергамент и зарисовал линию, как только было возможно. Сомнений быть не могло, рисунок линии на материале был безумно похож на асфальтовую полосу.

Герой достал руки из карманов и попробовал на вкус свои ногти. Запах напомнил ему о детстве цветка в серебряной ёмкости. Наготове лежали столовые принадлежности. Сначала Тутаалитам поцарапал вилкой поверхность земли вдоль дороги. Земля поддавалась очень хорошо, и профессионал в данном деле просто бы заскучал. Она аккуратно крошилась на место, откуда были подняты остатки цивилизации. Датчик показал, что нет нарушений, и нужно было переходить к следующему тесту.

Тутаалитам зачерпнул из лужи жидкость и поднес к бродячему коту. Тот вдохнул аромат полной кошачьей грудью и подписал документ, не раздумывая. Хоть ложка была и чёрная от немытых ног, всё равно сервис был неполный. «Вместе веселее», – подумал кто-то за спиной и положил столовый прибор рядом с одноразовой вилкой.

Закрутились волчки. А разметка завибрировала знакомой мелодией. Тутаалитам выключил обогреватель и снова подошел к своему плану безответственно. Разглаживая хилые волосики на лбу, он уставился в один нюанс. Линия точно соответствовала стандарту заморозки. Герой взял в руки палку и приложил её к разметке поперек. Сук не соответ-

ствовал размеру, а значит нужно найти то, что соответствует. Дело это было неблагородное, и Тутаалитам позвал знакомых. Знавшие его, не жили поблизости, и никто не пришёл бы, даже если и захотел. Выпустить из рук учебник по работе на компьютере путешественники не имели права, и герой приложил к линии пустую пачку карточного домика. Коробочка приблизительно совпала тонкой стороной. Герой улыбнулся и отошёл пропустить проезжающую тележку из торгового центра. Проводить её никто не хотел, но позволить и предупредить было обязательным условием.

Дневной сон сопровождался решением вопроса разметки на асфальте по нечётным числам месяца. Чётные числа все играли в монополию, а Тутаалитам играть на самокате не умел и поэтому чаще жарил грибы на балконе соседей. Когда удивление соседских детей переполняло чашу терпения, костёр потушился новостным обозревателем, и жареное готовилось к посадке. Все неместные садоводы разбили за домом военный лагерь и выкапывали лунки в каменных плитах. Потом сажали пожаренные продукты и ждали, когда угольки давали всходы. Тутаалитама сначала подумал, что разметка это их плеч дело, но они сказали, что горизонт в городе плохо различим и подозрение отпало.

Вторая тележка, проезжающая задом наперёд, немного стёрла нанесение на асфальт, и местным безработным пришлось подкрашивать её воздушными трубками. Посмотреть сегодня никто не решался, город за последний месяц пере-

полнялся нерешительными трудоголиками. А к вечеру вчерашнего дня даже пропал сиреневый маркер.

Вечерними вспышками решение не находилось. Тутаалитам немного хотел развеселиться, но тут же вспомнил про третий компонент столового инвентаря, и, раскрошив вилку с ложкой в зелёную муку, схватил руками нож. Руки тряслись под ветряными мельницами, а лестница уходила далеко в небо. Спрыгнув с заниженных автомобилей, Тутаалитам приложил нож к разметке. Идеальных пропорций он не получил, но эффект прыжка закружил ему разум. Сегодня не хватало только лишнего веса, а, в целом, приговор был бы на его стороне. Личной охране выдали дополнительный день отпуска, но они не вернулись на войну и ушли смотреть новости. Многие про них говорили, что странные люди не всегда поступают против правил распорядка трудового дня. То же говорил и Тутаалитам, скрывая свою досаду, и расстегнул верхнюю пуговицу рваной рубашки в кружок. Закипел разум от задачи на выходные. Когда все разошлись, герой прижался ухом к полу и попытался услышать тех, кто наносил эту разметку на асфальт. Какие-то звуки улавливали кожные бактерии, но разобрать, песня ли это, или часы остановились, было ужасно трудно. В новом квартале начали рассыпать картофельные чипсы прямо на обезвоженные улицы. Выходить навстречу работникам брачного магазина было ужасно некрасиво, особенно в фуражке на голове.

Воспользовавшись неразберихой в закрытом павильоне, Туталитам постучал несколько раз по дереву, росшему рядом с дорогой. В ответ были снова невнятные отрывки текста. Эхо отсутствовало даже в пустой бутылке. Герой постучал снова, и в этот раз получил штраф за неправильную парковку. Пока он оплачивал квитанцию на почтовом сервере, разметку неизвестные смельчаки обновили, дорисовав жёлтый крест у себя на лбу. Зло пришло за добром, а нейтральные движения остановились в неестественной позе. Туталитам стал пропадать, а потом пропал и его друг, которому он забыл позвонить в обед. Начинались жаркие времена.

Флаг в руках в настроении лучшего прихода заиграл новыми красками. А в зеркале не отражались ненужные артефакты лицевых эмоций. Согласие на звонке позволило заполнить немного полей. Туталитам нажал не до конца на серьёзное дело, и теперь ему приходилось вместо основных задач, лепить из пластилина оправдание. Затем последовало немного диалогов о неприятных изменениях в рабочем процессе, а потом он стал подслушивать речи в электронном устройстве.

Первые признаки расчёсывания поверхности нанесений разметки на асфальт появились уже на следующий день, когда Туталитам совершал обход по местным туалетам. Срок высыхания поверхности дороги, где находилось изображение линии, подходил ко второму полудню и расстраивал проезжающих мимо него охотников за двумя тележками из тор-

гового центра, проехавшись здесь днем ранее. С ними герой не стал здороваться за руку, а просто выключил дальний свет в подъезде. В обед, когда жара немного спала, он в ладонь стал собирать пропавшую муку и склеивать приборы снова в красивые формы. Их было не так много, как ему хотелось, но составлять расписание на неделю было ещё хуже.

К вечеру второго дня, когда уже собрались все гости, а разметка приобрела опустевшие равнины в изменности трав, Тутаалитам подал первое блюдо несъедобных пластиковых шариков. Все разобрали, кто сколько успел, и пустили их поочередно, вытирая слезы, в кругосветное плавание. Вернулись они через несколько минут с подарками и историями. Но чувство чужого праздника жизни не покидало незваных гостей в этот вечер. Модные наряды сменились унылыми телевизионными помехами, а календарь передвинуть забыли в последний момент.

К определённом моменту времени Тутаалитам закончил лепку выпавших из рук приборов и подкрашивал ресницы краской для замшевой обуви. Остатки разметки он аккуратно сложил в пищевой контейнер и подал к основному столу с охладительной трубкой. Конденсатор не скапливался в луже, а ещё в прошлом году уехал из города. Лазерный луч тоже опаздывал, но хотя бы прислал вместо себя бархатное пальто. Первым остатки разметки попробовал именинник. Когда все узнали, что это всё ложь и праздник не за горами, пробы резко остановили. Асфальт казался тёмным, гладким

и одиноким без магазинных тележек. Но что он мог поделать, вкупе с опустевшим кошельком! Упав на плитку, потрескавшиеся уголки весело склеивались и безрадостно отрывали уже неактуальные объявления.

Тутаалитам в очередной раз оценил труды своей работы на опустевшем асфальте. Разметка там больше не требовалась. Остатки чего бы то ни было он высыпал в решётку лампы над дверью в заброшенный подъезд и подпёр выход контейнера старой сгнившей скамейкой. Путь хоть и был заблокирован, но не переставал пропускать навязчивые мелодии в небольшое отверстие в нижнем углу. Туда же уходили и все местные новости, когда их полностью обсудили. Это исправить смог бы только избранный приятель.

Лёжа, Тутаалитам в неестественной позе с открытыми глазами ещё раз окинул плод своего воображения и, зажмурившись, попытался выкинуть из памяти сыр и вспотевшую кожаную рубашку. Это ему удавалось с трудом. Но ведь труд сделал из обезьяны красный кирпич. Так он и завершил свой день.

Конфликт пьяных дев*

В первый день все было спокойно. Свежесваренным кофе не пахло, а трубка медленно стучала по куполу. Армия кузнецов отступила на юг, и все отдыхали на траве. Одна из здравомыслящих нанимательниц принесла в большой таре просроченное вино. Кран как раз в это время выпирал из кармана формой круглых волчков. Окружающие граждане медленно сдвинули все тротуары в сторону и приготовились к трапезе. Одна из участников совещания заметила, что у некоторых эффектов неправильно расставлены ноги и предложила лист установочной карты на белом фоне с красным креплением. Наверное, это было правильно, как-то раз в это время чехол, разряженный в невесомость, усмотрел задворки старого пылесоса. Да и сидеть на площадке с незаконченной горкой, это всё равно, что заниматься переносом досок. Время бежало.

Перед употреблением вина все женщины решили сносить скамейки, а мужчины комья. Процесс был увлекательным, и улыбчивая улитка одобряла всё это своим взглядом. Часто такое не проходило, но, опять же, забыли закрутить крышку на верхнем этаже многоэтажного столба. Незавершенное дело стало бы давить ремнём на самооценку и пришлось бы хлопать себя в грудь подержанным веником.

Пока главная аудитория была не занята важными зада-

чами, чёрствы́е стрелки принялись распространять сплетни во все стороны своих излучений.

В миг северного сияния нечётные пары заметили, что новый трактат плохо подстрижен, и принялись ровнять смятые листья. Складывая их в неровные стопки, они придавали всему происходящему мужественные оттенки. К концу всех приготовлений опавшие листья пообещали всем великих зрелищ и эффектно завершили карьеру.

Всем налили по бокалу, а собственнику накапали на землю нежно, но здраво. Злость назревала в душах отсутствующих, а на отдыхающих действовала сонливость. Запивать было нечем, и кто-то предложил смочить пересохшие волосы берёзовым нектаром. Все выпили, замазали и открыли рты в надежде почувствовать ветер на зубах.

Конфликт завязался не сразу, всем пришлось какое-то время полежать на задворках, как раз проверяя удобства местного предпринимателя. Ложная информация проносилась периодически под окнами, и проверка занимающих внештатные должности телефонистов подразумевала тусклое освещение. В этот раз всё было на порядок левее. Одна из девушек в лёгком настроении достала пожарный гидрант и показала графики понижения и повышения значений. Данные она сопровождала левыми и правыми стрелками. Это вообще было любимым занятием тех, кто понимал. Подруга её по парным выходам была не овальной, но подошла бы в направлении принятых решений. Квадрат она могла переиг-

рать в ножницы, и те, кто был в теме её рассказа, мог легко понимать, что его ждёт в прошлом.

Что ж, вино во втором выпуске подходило к концу. Медленные тела плавно развевались на речных массивах. Глазами хотелось рассмотреть точки на клетках натуральных рубашек. «Вместе веселее», – подумали зажиточные крестьяне, допивая вино. Но оно не могло так быстро войти в ритм капитального ремонта, поэтому провода пришлось сдавать оперативнее. Вдруг перегрев, позвонил на холодную линию. Гудки шли друг за другом, не отставая. Первый дозвонившийся сообщил про свой второй ключ. Были, конечно же, и такие, кто доставлял, но в тумане невозможно было разобрать нижнюю строку. В архив стали попадать съехавшие с обочины. Они сидели в кругу и называли слова из телефонного справочника. Когда закончилось терпение, его заполнили архивными фотографиями, и все вернулись на свои места.

На главном месте нити связывали злоумышленников в номерные знаки. Помощи ждать было не от кого, и перевёрнутые страницы прилипли к покрашенным поверхностям. Сутулых отправляли домой за добавкой, а почтовые ящики на погнутых столбах бликовали солнечными батареями.

Когда дамы начали конфликт, вышел подготовленный мастер и сообщил, что собственник в белых брюках отпустил волосы. Все захохали и задымили. Новость была неважной, но дикой. Выйдя на свет, многие обратили внимание на тень.

Парковка оказалась липовой, и митинг пришлось прекращать. В этот самый миг трехфазный секундомер показал, что пора расти. И тут одна из дам ударила другую по самолюбию. Та засмеялась и забегала по кругу вприпрыжку с воздушными шариками. Когда лопнул третий эффект, замедлился паровоз. Топливо подкидывать было некому, и он признал себя одиночкой. Это главное из всех важных поверхностей. Но отклеивать верхний слой не рекомендуется.

Что ж говорить, но эффективные решения всегда смущают зрителей. Но в резких фильтрах носки со скидкой носить совершенно не приходится.

Когда сутулые принесли пачку нового мешка с вином, насыпали по третьему бокалу. В отношении пустых заводили уголовные дела и передавали их в дальний кабинет. Что-то подсказывало изменение климата в городе.

Подняв свой бокал над головой в конфликт, пригласили всех желающих. Кто-то пошёл медленно, кто-то досматривал сериал. Но собрались желающие и вдоль набережной. Крепость казалась низкой, и мост вёл прямо на продажу бесплатных коктейлей. Решение не запивать было иррациональным, а звон в ушах приближался к настроению зимних маятников.

Ведущий объявил дамам шестое замечание, но сам отстранился духовно. Остывшие покупки на окне признали законным место укладки. Но когда одну из дев поцарапали в парикмахерской, поднялся шум. Бежать было некуда, ползти тоже, и все стали слезать в водопроводный люк. Там бы-

ло сыро и вкусно. Пошли гуськом по течению магнитных волн. Над головами проносились рассветы и закаты, полдень сменился полночью, а затем их развернуло местами. Было страшно, но девы сильнее вжимались в толпу. Когда тупик нарисовался на центральной странице, все пошли задним ходом. Путь был недолгим и лёгким, но многие падали духом. Здесь же и нашлись экономисты, отдыхающие на пикнике. Всё, что они успели нажить, сложили в картонную коробку и закинули за забор, чтобы указать путь просящим. Первый эффект прошёл незаметно, второй уже виден был издали, а на третий по умолчанию все вылезли на свои прежние места. Бокалы были нетронутые, и первыми пригласили их почувствовать немного захмелевших участниц. Граф в майке из фольги ветрено почувствовал своё тело в нужных сандалиях. Это и стало отправной точкой луковых колец.

Мотор завели за угол и попытались отнять у него деньги. Тот рычал и требовал топлива высокого качества. Но такого позволить себе не мог даже автор троп в лесу. Причём, когда эти тропы исследовали насекомые, там росли травы удивительной силы воли. И многие просто не выносили из дома старые вещи. Рынок тоже располагался в режиме ожидания, и нужно было сильно вспотеть, чтобы увидеть первого собственника. Он был не тот, что отпустил волосы, но тоже отпускал шутки за спину занимающих первые пять мест. А места были на вес тяжелых металлов в организме. Расстояния удивительные и необычные. Все так считали и все так хоте-

ли, хотя и не признавали официально мирских благ. Выйти в поле и висеть перед телевизором – это совершенно одинаковые люди. Разница заключалась лишь в перестановке букв с одного конца пляжа на другое дерево. Поэтому все отдыхающие с вином девы начали раздражаться ещё с прошлого утра. Последняя вылезла из люка сонливой и ухоженной. Конфликт начался уже до этого момента, просто его никто не заметил в чайнике.

На расчёт прислали лучезарную монету, но спешить было страшным преступлением. Изначально все хотели зайти в кино, но девушка, сидевшая спереди, вышла остановкой раньше и не закрыла за собой действия водителя. Это тоже повлияло на политическую ситуацию в городе, и внутри первого испытательного пункта колесных забав медленно закрывали.

Приглашение гласило о презентации каменных стаканов, но на деле фотографии делались лишь из мягких диких частей. И путь пройти было под силу только выпившим первый бокал залпом. Иногда пальцы проскакивали, и бука убегала из кабинета, ловить её было неразумно, поэтому она менялась заменой цветения. Некоторые судна не были выявлены нужными количествами, и тёмные воды окрыляли корневую систему задним числом.

Уход спровоцировал костюм единорога, который никто не мог пошить на будущие заморозки. Первый гладивший не ответил, второй рассказал про нелегкую жизнь испыта-

ния силой воли. В этом расстоянии и заключался сакральный смысл потока сознания. Но ухватить его за конец и прикинуться жизненной энергией, было сделано. Одна из дам вышла на порог первой и руками сделала волшебство. Другие последовали её примеру днём позже, но у них эффект стал похож на бородатого лентяя, который последние минуты отдал под ножницы ненужным хранителям. Толкания сопровождались ещё и подергиванием. Остановка следующая была в половине пути от нужного направления компаса. И в этот эффект заползала гусеница, исключительно для кратковременного отдыха. Предложение сделать ей замечание и разойтись по углам было поставлено в нужном месте и в нужное время. Но и это никто толком не смог грамотно сформулировать.

Как ни странно, но в этот раз через минуту все обнимались и открывали третий мешок. Дамы протягивали свои рты впереди всех. Экономисты отсутствовали уже второй день. Конфликт был работой присутствующих, а занятость приносила итоги. Те же финальные аккорды, которые держали девы на ниточках от воздушных шаров, были главной точкой финала конфликта. Девы запьянели.

Чёрная кнопка

Тёмная вуаль лежала в углу старого общественного телевизора. Комната была маленькая и вытянутая, как лапы у сонного кота. Свеча медленно догорала последние остатки своей восковой жизни и готовилась стать мусором. А за треугольным столом с половником по центру, сидела она – пророчица. Умадохери медленно передвигалась между остатками прошлогодних нарезок и направлялась в сторону места расположения ведьмы. Преодолев все углы и поставив пару синяков на полку, она села за стол и посмотрела на документ об образовании. Тишина резала колбаску и периодически посматривала в сторону гостя.

– Уважаемая пророчица, мне нужно знать, очень нужно! – сказала Умадохери и прищурилась, рассматривая отражение на задней стенке стакана.

– Поясни эффектнее! – сказала ведьма и щёлкнула пальцами.

– Мне нужно знать, какого цвета у меня ногти буду на Новый год! Заплачу любые деньги за приблизительный ответ! Прошу вас, вся надежда на шифоньер! – умоляюще подумала Умадохери, а вслух произнесла. – Чтоб Вас!

Пророчица нагнулась вполовину тела над половником на столе, лизнула его ручку и записала в блокнот вступительную речь. Припухшими глазами она всмотрелась в лицо го-

стя своего жилища и произнесла:

– Чёрная кнопка! – работа на сегодня была закончена, и она задремала в печке.

Умадохери обдумала услышанное и, понимая, что её ждут теперь непростые времена, вышла из подозрения камер наблюдения. Выводы составились самостоятельно, как головоломка для детских навыков. По пути на работу, во что бы то ни стало, нужно было найти эту злободневную чёрную кнопку и нажать на неё семь раз. В идеале отыскать хотелось кнопок количеством больше, чем нажатий и надавить всего один раз. Но такие обстоятельства были лишь мечтой, и ставить их вопреки цели не целесообразно.

Гостья вышла из здания без окон и дверей, посмотрела наверх, в сторону окончания стены, и заметила, что штукатурка неправильно закрыла проект. Поискав в кармане булавку, она заложила её за камушек и немного заплакала. Прощание со скрепками всегда оставляло грустный тяжёлый след в душе её домашних животных. А эта скрепка, ко всему прочему, имела редкий порядковый номер – сто тридцать четыре. Такое число не часто, где встретишь.

– Что ж, хватит грустить, пора и пирожки жарить! – произнесла шёпотом Умадохери и попыталась встать. Ноги сразу её не послушались, но приказной тон хозяйки заставил их выполнить задачу на отлично. Достав газету с кроссвордами, Умадохери записала свои размышления о чёрной кнопке в горизонтальную колонку и, свернув печатное издание

в трубочку, сообщила всем, что собирается идти на работу. Сначала она хотела поехать на роликовых коньках, но, вспомнив, что день зимнего солнцестояния в этом году прошёл незамеченным, решила пойти пешком. Заодно можно было искать по пути чёрную кнопку. Два дела разом сделать и спать не ложиться второй раз.

Путь на работу был долгим и нудным. Обычно Умадохери выхватывала из сумочки перечный баллончик, но сегодня ей достаточно было открыть зонт и подуть в небо. Так и пролетело время начала пути вдоль забора с железными скульптурами. По другую сторону строили какой-то новый кирпичный квадрат. В это время все были на обеденном разрыве, и Умадохери незаметно проверила все ветки на старом сухом дереве. Под первой скамейкой кнопки не нашлось. Можно было расстроиться, но Умадохери не умела расстраиваться с первого раза, сделав себе напоминание на лбу, она в танце поспешила к следующему объекту народного убранства. Мусорный бак был блестящий и красивый, но лезть в него в это время дня было стыдно. На работе бы все об этом узнали, и потом ни один такой объект не простил её целеустремленность.

Вообразив, что на нём и над ним нет чёрной кнопки, она провела рукой по волосам куклы и представила себя на месте водителя снегоуборочной машины.

Проверив вторую и третью скамейку и не обнаружив объекта её желаний, Умадохери перекусила и продолжила путь,

но уже другим боком.

Забор тянулся бесконечной чередой проверок и поисков, но под каждым новым кирпичом можно было найти лишь пустоту и новости. До работы оставалось слишком мало свободного пространства, а кнопка, скорее всего, наполнялась желанием, что её нажмут. Эффект неправильных действий просто не мог существовать в речи предсказательницы и Умадохери понимала это. Поиск останавливать можно было, только если захотеть, а она рисовала отвратительно. Обойдя двор кругом, и решив, что второй круг будет не лишним для здоровья, Умадохери затянула пояс потуже на голове и широкими шагами преодолела препятствие. Запахло испарениями озера на другом конце города.

– Хотелось бы мне испытать его на заре справедливости! – произнесла она упоительно и сделала пульсирующие движение руками в сторону трудовой занятости. Но ответа не последовало. Умадохери повторила и направила свои уши в солнечное небо. Показавшись оттуда облачными осадками, начинания пришлось прекратить, по крайней мере, на эту неделю.

В посадках кнопки тоже не нашлось, зато старый радиоприёмник ещё подавал признаки жизни, потрескивая своими креплениями на ручке. Умадохери присмотрелась к звукам, но не увидела эффектной сцены в конце. Продолжать просмотр на следующий день было необходимо. Она выкопала ногами неглубокую ямку и посадила приёмник правым

динамиком в отверстие. Он хорошо себя почувствовал и даже нарисовал своему братству модный герб.

Умадохери вышла из посадки, отряхнула локти и свистнула в свисток. Створки окон открыли ряженные люди и, приложив указательный палец к лицу, начали двигаться в такт музыки, звучавшей здесь в прошлом месяце. Мелодия была навязчивая, хотя и не слышимая. Умадохери чуть было не пустилась в пляс, но вспомнила, что обувь нужно забрать с дальнего конца фабрики игрушек. А, изменив своим принципам сейчас, активированная сигнализация испортила бы платье. Хозяева продолжали двигать такт, пока не выпали все полосы. Тряпочки для протирания гладких макушек уже лежали наготове, и все дружно засмеялись звонким смехом. Умадохери даже обратила внимание, как красиво были выпачканы обратные створки их форточек, видимо проветривание было обязательным условием этого района города. Вообще, в месте её проживания разные меры устанавливались заранее, и каждый обязался это соблюдать.

– А как увидеть кнопку во тьме? – Умадохери подошла к окнам хозяев форточек и задавала один и тот же вопрос.

Отвечать было не в почете, поэтому они просто кружили глазами и показывали ей язык. Она в ответ показывала им документ об образовании и аккуратно упаковывала его обратно в газету. На это все хозяева реагировали с трудом, а остатки музыки пытались поделить по-честному равными нотами каждому.

Она остановилась у крайнего окна и подозвала к себе мальчишку со стекловатой. Тот развернулся и выдавил из тюбика послание. Окна медленно стали закрываться, со скрипом и тугими намерениями. Люди выходили, поднимали свои волосы с земли и приклеивали их обратно на голову. Те, у кого это вышло очень хорошо, стали образовывать хоровод. Всего квартир здесь было не так много, но хоровод был хорошо организован и, с финансовой точки зрения, независим. Это заметили даже те, кто только поднимали растительность.

Восход – дело серьезное, а поход – грустное. Кнопок ни у кого не было, но Умадохери осталась посмотреть на это представление. Она всего лишь раз в жизни раньше видела что-то подобное и с тех пор не чистила обувь своим знакомым. Выступление заворожило её одеяния в ярких тонах.

Первый стикер приклеил себе щеку средний хозяин. Остальные пытались его мысленно оторвать. Мыслей у собравшихся было много, но все они были слабые на подъём. А сильные уже давно потеряли волю в кулак. Пробовали подействовать на стикер и те, кто вечно забывал последние концы в печатных массивах. Но даже они были не в состоянии закончить мускулатуру. Один из самых неопытных добровольцев вынес оборудование для резки ископаемых рукописей в шикарные подарочные ленты и попробовал организовать конкурс поедания мелких палочек. Первая рукопись застряла, а до второй дело не дошло. Собрав свой инстру-

мент, он ушёл его чинить и в конкурсах этого дня больше не участвовал.

На работе уже собирались ключи, и Умадохери чувствовала, что её поход к пророчице в начале пути изменил жизнь местных хозяев. Признаков величия она не подавала, но бинокль из рыночной сумки достать пожелала. Протерев линзы остатками обеда, она приложила его к губам и стала рассматривать плечи собравшихся в хороводе граждан. Не хватало только одного сломанного аппарата, но его уже увидеть было реально в ночную смену. Сначала плечи были человеческими, а потом пошёл парк и деревья стали менять цвет вдоль скамеек. Первое дерево было красивое, а второе на него похоже. Умадохери всмотрелась в плечо синего кита и заметила, что закончились карандаши. Запомнить это ей не удалось, и просмотр был продолжен. Но тут кто-то ничего не сделал и один из хоровода человек вышел и стал ходить от забора к обочине. Он думал, что его все увидели и в этот раз был прав. Ему даже сообщили о том, что правда на его стороне, и пришлось всем отмечать. И только в момент истинной радости он сел на корточки чтобы завязать отношения с другом, как из его кармана выпала та самая чёрная кнопка. Умадохери было жаль, что упало не целых семь штук, а всего единица, но пророчество было почти исполнено. Она подбежала медленным перекатом к выпавшему предмету и со всей радости надавила на кнопку своим носом. Ничего не произошло. Кнопка не сработала. Умадо-

хери выдохнула с облегчением воздуха из воздушного шара и побрела в сторону работы. Сегодня нужно было сделать много неясных задач, в том числе и по заказу чёрной кнопки из предсказания.

Отпечаток пальца*

Хозяин руки сидел уже побитый час и рассматривал свои пальцы. Они явно что-то замышляли доброе, но их язык он не понимал, а выучить оперативно не умел. Иногда он брал перерыв и подливал в ванну кипятка, но остальное время он пристально всматривался в диалог и пытался, если и не распознать, то хотя бы запомнить.

Указательный был недоволен тем, что рассказы гречневого салата подали лишь ко второму столу. Пришлось собирать подписи на ликвидацию деревянного настила. Безымянный поддакивал мизинцу и готовил преступление в магазине приборов по выравниванию осанки. В прошлый четверг ему предложили пройти испытание, и он потерял сумочку с драгоценностями. Средний старался не выделяться из пятна, но иногда вздрагивал совестью храбрых. Большой был давно потерян на заводе, поэтому на его месте сидел апельсин. Апельсин был не коммуникабельным, поэтому в диалогах никогда не участвовал и на второй проезд о нём забыли.

К полудню диалог возобновился и теперь можно было определить, кто чем недоволен. Безымянный палец раскручивал гайку запрещённым методом, раздражая ногти интригами и чайными ложками. Мизинец был на подхвате и ждал за углом. Дрожь прошла по знакомым местам, но выходить не хотела. Мизинец подсматривал через отслоившийся

плинтус и дул в трубку. Время бежало заметно, потому что иначе никто бы не увидел. Это и почувствовал крайний. Он занёс долг и вышел уже расслабленной походкой в пешеходный переезд. Средний терпеть не мог такие исходы и вытянул новую карту из колоды. Красная масть накрыла волнами понимания и выгнала непрошенных клопов за порог родительского дома. Грусть охватывала и отпускала. Иногда цепляясь кончиками вывески на верхних пунктах меню. Даже ошибки в названии не могли сбить его с мысли о предстоящем перемещении в пространстве.

В нужный момент Указательный палец собрал всех вместе и потревожил большие возможности. Не хватало лишь нескольких минут до прямого указания. Этого и ждал Указательный в очках от солнечного гостеприимства. Сегодня он планировал уйти за спину вовремя, но Средний мог все испортить. Звонок – и нет у него больше планов на вечерний протест, а горячие напитки проверять не его конек. Лишь герои второстепенных выездов могли напрягать мышцы сильными размышлениями.

Мизинец представлял себе, как жить в таких условиях дальше, но тоже не решался встать у руля контейнера с теплоходом. Играющие бумеранги отыгрывали ураганы столбами чёрных постановок. И завершение сезона сопровождалось вставшими аплодисментами на дальних рядах пустых кресел. Выходить не хотел, а заходить не испытывал желания. Этим и прославился на кастинге в приёмной палате

шейха. Забирая уже нужные вещи и раскладывая по чемоданам ткань прозрачного платья, он заскрипел невнятным ростом.

Безымянный говорил уверенно и понятно, всего его слушали, но в речь не вникали. Если начать прислушиваться, можно сойти на своей остановке. А ехать предстояло в будущем периоде.

Указательный показал ноготь и потребовал соответствия полей. Ему было непонятно, как это кончик края торчал из-под ширмы, где сидел рассказчик. Помощники, читающие речь, задом наперед взяли отгул и сегодня тренировали умы в полуденных трубах. Соответствия не было, и Указательный разгруппировал старый приток, а экспедиция в нужных количествах хвалилась искусством принятия решений. Средний, увидев такой расклад, выдавил из себя некоторые красивые виды. Этого было достаточно, чтобы собраться всем на выходных и отдохнуть на природе. Достав телефон и посмотрев на треснувший корпус, один из пальцев невзначай тронул кончик выступа. Раздались голоса и посерьёзнее заварушки на пиру гномов. Это было даже без огня, а просто на коленях. Сегодня автомобиль не повернул бы в том направлении, и вылет по трем фонарным расстояниям медленно охладил приближающуюся в его сторону бабочку.

Мизинец предложил всем начать приседания в строго отведённое время. Указательный его поддержал, но делать предпочёл дела в своё время и в своем месте. Три пальца –

Мизинец, Средний и Безымянный начали приседания в соответствии с нормативами разработчиков посадочных станций. Хрустящими звуками отвлекали ворон, а потом пошла сладость. В это тяжело было поверить Указательному, но сам он, конечно же, об этом слышал.

Пришло время идти навстречу судьбе. Средний палец подался вперёд и восхитился тем, как сзади восприняли его подачу яркими букетами. Безымянный соглашался практически всеми распечатками, приклеенными на стенах. Этого и добивался Мизинец, поэтому злорадно горевал в тени старого умного дуба. Так продолжалось ещё несколько минут, пока все пальцы руки не собрались в ряд и поклоном дали понять, что концепция сегодня будет позже обычного.

На стол поставили горячую кружку компота, и все принялись внимательно всматриваться в судьбоносные начинания. Указательный первым попробовал температуру и предположил, что самолёты летают слишком низко. Безымянный не хотел отставать в сообразительности, поэтому изготавил некую концепцию благотворительных заносов. К нему присоединился мизинец, и компанию они называли по образу того, в чём состоит свет листьев летнего солнца. Средний был одиночкой, поэтому устроил со всеми вместе пикет поддержки малых возвращений. Так продолжалось целых пятнадцать минут, пока уставшие митинги не раскрылись перед звуками распознавания материала. В чём была соль, ответить тоже никто не смог, и дельфины запели песню про

поход в лесных зарослях. Заросли, конечно же, были очень густыми, словно бровь в ожидании бороды, поэтому песня длилась три сезона с перерывами на поход в атмосферное явление.

В нужный момент прислали уведомление о новых подходах. Указательный сфотографировал макет и показал остальным, как он выглядел на празднике знаменитостей. Вертикальные ряды приняли положение об отставке правительства, и Средний откинулся на кресле. Ему было неудобно перед остальными и, завинчивая саморез, он обдумывал пути примирения семьи.

Мизинец потерялся в трех липах и принял на себя удар скоростного стандарта. В тот момент все принимали удары, и ему было мягче всего лежать на поверхности изменений. В этот момент он предложил всем собрать впечатление в книге отзывов и соорудить живую лестницу в центре ладони. Все послушно доверились его начинаниям и стали носить сухие ветви для костра. Закон запрещал некоторые вещи, поэтому их избегали с рождения. Пальцы об этом не думали, а зарисовывали эффективность норм постройки лестницы в тех форматах, которые ещё не видели свет.

Средний принёс коллекцию монет и купил на них сладкую вату. Есть он её не мог, но отпустить на волю решил не сразу. Сначала, уйдя в обратную сторону от Безымянного пальца, он вытянул паузу, а когда Мизинец стал обращать своё внимание в центр постройки просто притворился,

что уже отдыхал на крыше. Такими темпами они соорудили некое подобие отправителей и вышли за грань получше для собора запаха фломастеров.

За их пространство тянулась целая жизнь ярких бутафорских покупок. Это было лишним приглашением, и вникать никто не стал. Но лестница в центре росла, пусть и воображала из себя невесть что. Когда запеканка прилипла к железной поверхности, пошёл неприятный звук увеличенных лекарств. Для профилактики нужно было несколько раз надавить на спрей, и он отвечал зовом кукушки на небольших каблуках. В остальном же всё шло, как и должно. Стройка не останавливалась ни на миллиметр. А документы оформляли через другие инстанции. В подавляющем большинстве отключили воду, и пришлось лезть с верёвкой на поясе, подсвечивая руки мелкими раздражениями.

Когда стройка развалилась на половине движений, указательный стал прятаться от общения и не выходил на связь секундами силы воли. Безымянный не понимал, как так можно уходить от ответственных поручений. Так же думал и Мизинец. Последний вообще представлял себя Безымянным и периодически обдумывал мысли, идентичные другим. И только лишь Средний палец развлекался в бликах отполированной поверхности. Быстрый выход был найден, и сигнал прошёл за спиной. Никто из пальцев не обернулся как герои вечных рассказов. Этим и запомнилась грандиозная стройка, нужная лишь тем, кто её почитает. На развалинах каж-

дый оставил свой след в виде отпечатка сумочки с логотипом группы компаний. Мизинец приходил на это мероприятие позже остальных и, не найдя никого из знакомых, просто оставил свой собственный эффект. Результатом все были довольны. Расстояние от запястья до строительства сокращалось, и новые успехи закрывали собой старые расчёты. На вершине не хватало низменных чувств, но суждено было этому сбыться только в согласованных актах. Все они почувствовали, что близится каждый друг к другу. И в этот момент, и в следующий, когда никто не был собой.

Хозяин руки сжал кулак и стукнул по столу, заполненному пустыми тарелками. Посыпались аплодисменты.

Кролик в ролике

Вухечип поднимал гантели и складывал в целлофановый пакет. Провинившись на прошлогодней вечеринке, ему назначили уборку трех дворов от надоедливых инвентарей, и он принял задачу равнодушно. Тогда ещё был бледный и никогда не носил шлепанцы пяткой наверх, но душа у него была ровная. Два двора он осушил ещё в прошлой жизни, а третий только начал окучивать. Гантели росли на трубочках от сока крупными гроздьями, и ловить их приходилось на штрафы. Если не поймать вовремя материал, приходилось ждать автобуса, а это отнимало последние сбережения. «Непозволительное разочарование», – думал каждый раз Вухечип, представляя, как он бросает свою работу и обнимает на последние накопления большую многоместную машину. Та же, в свою очередь, думать не имела возможности, так как была предметом неодушевлённым.

Вухечип собрал уже целый пакет для ужина, когда гантели перестали его волновать. Медленные прохожие сегодня были на выезде, и помешать ему в его нелёгких ответах мог лишь только сам завод. Но тот тоже был не в настроении смешивать воображение с реальностью. Второй пакет он развернул с опаской, чтобы его придуманные враги не заметили немых рук, и принялся складывать гантели поперёк своих историй. Было удобно и неестественно, но прекращать это

действие он не собирался. Ему за день нужно было собрать две половины пакета, иначе встреча по приёму его в положение о ликвидации остановки, состоялось бы задним числом. Половину пакета он набрал быстро, а затем начал тянуть резину на себя. Напрягаясь в один из моментов, к нему с просьбой угостить окурком подошёл кролик. Вухечип наклонился вперед, но виду не подал.

– Откуда ты такой красивый? – спросил у Кролика провилившийся конюх.

Тот сплюнул накопившиеся эмоции в сторону интересовавшегося и произнёс хриплым голосом. – Роликовые коньки видел по телевизору? Так вот, там есть ролики, а в ролике я!

Он сплюнул ещё раз и вытерся кленовым листом.

Больше Вухечип его никогда не видел. А когда пришел домой, то по пасте для волос сообщили, что в городе наблюдается потепление отношений к частным застройкам.

На следующий день нужно было на скорость обобрать два куста и посадить неваляшку в хрустальную ёмкость. Второе задание он отложил на следующий поезд, а куст начал обирать закономерно и рассудительно. Обувь снимать не пришлось, а надеть шапку не догадался.

Сбор шёл бодро, ржавчина пугливо разлеталась по сторонам и ругала власть. С этим Вухечип был согласен, но принять произведение, такое как есть, без сокращений гласных букв его никто не научил в детстве, хотя возможность отсут-

ствовала. Мысленно он отправлялся в тот день, когда стоял с оружием перед первым кустом гантелей и чистил зубы. Это был нежный момент его саморазвития. «Не забыть бы по приходу в гости зарисовать облака жирными волосиками», – повторял себе Вухечип, складывая новую порцию принадлежностей в ёмкость для протёртых туфель. Все набиралось медленнее, чем прибывали любопытные.

В полдень говорящий попугай объявил голодовку. А когда новый дизайн утвердили в пирамиде, купил путёвку на воды. Соли было недостаточно в масляной бутылке, и конфликтовать с барменом было бессмысленно. Вухечип ронял пакеты на ноги телефонных маньяков, а потом, не извиняясь, пританцовывал к женщине, продающей синий квас. Отпив половину живительного напитка, он вынул руки из карманов и погладил себя по среднего ума голове. Этот орган любил поглаживания, но взаимностью никогда не отвечал.

Вухечип не соображал в это время дня, поэтому поставил пылесос на зарядку, а сам продолжил покупки. Гантели к середине дня стали почитаться и выкрикивать нецензурные лозунги. Собирать их было тяжело в таком настроении, а пакет уже распускал слухи, что не заполнен вовремя. Проверка могла показать яркие приступы паники, но глупостями не занимался. Обиднее всего для Вухечипа было закрытие парка на три дня вследствие переворота катамаранов с ног на голову. Да и это известие не так взволновало проживающих в однокомнатных квартирах, как приём сигнала

в лесу. Смельчак залез на провод и крутил песни про цветные сны. Кто мог, пытался танцевать, остальные глупо мешали сбору гантелей и тормозили процесс умственного развития. Сложных слов у местных употреблять было не в почёте, и постепенно все перешли на упрощённый учёт. Под одним из заросших бурьянов Вухечип купил сломанный наушник. Разложив пожитки по алфавиту на модном бархатном пледе, он решил организовывать каждую пятницу аудио конференции. Сегодня была суббота, поэтому он попробовал поймать сигнал цивилизаций давно минувших лет. Ответа сначала не было, а потом появился силуэт белого каратиста. В этот сюжет он вписывался идеальным пятном, и Вухечип ему позвонил после долгого раздумья. Понимая цели дозвонившихся, волей-неволей оному вешали лапшу на уши. Но звонок был не единственной зрелой грушей. Звонивший ответил словом на слово и больше на связь выходить не захотел. Он переехал за город в землянку и пронибал письма раз в месяц. Вухечип один раз увидел его одетым в посадке, но тот притворился новогодней игрушкой и растворился в поздравлении президента.

Близился вечер, а пакет всё ещё лежал на открытой местности. Неясными речами Вухечип стал поднимать те гантели, которые засохли в прошлом супе, и смазывать ими стенки целлофана. Выделив всё разом, он выбрал цвет расплавленного мороженого и прикусил губу. Ему всегда было веселее вместе с воспоминаниями откручиваемых в земле тайни-

ках. Сегодня увидеться с постановщиками орешков не получилось, а со второго раза он смог выяснить только про выходной. Этого было достаточно, чтобы завершить выступления на публике, приползти домой и подвести итоги прошедшего комментария. Некоторые окончания его явно не устраивали, но, подав вид, он, так или иначе, захватил с собой собранное и отправился в поход по местам своей тёмной юности. Генеральные репетиции откладывать было уже рано, и деревья начинали готовиться к помощи бального зала.

По пути он встретил свою знакомую зрительницу и перешёл через дорогу. Чиркая обувью по каменным уступам, он вызывал зависть тех, кто его не видел и только после этого перекидывал пакет с одной руки в другую. Глупости случались в его жизни по пути домой, но вспоминать о них он любил только сегодня. Первый наблюдательный марафон объявил о потере у Вухечипа пятой семечки. Второй и последний – это дырочка в кармане брюк от ношения удочки в разобранном виде. Меняя местами источники неприятностей, он вызывал гордость нижней половины своей сумки и по приезде домой хотел попить чайной настойки. Каждый раз, когда дело доходило до подножного напитка, он разворачивал газету и нарезал из неё снежинки.

Выход на площадь заблокировали газовые машины, а вентиль стоял во главе очереди. Обходить не хотелось, и Вухечип спрятался в скворечнике. Сетка на голове олицетворяла приверженность общему благу, а магнитные записи со вре-

менем не устаревали. Он сидел, иногда выглядывая, а иногда двигая носом против ветра. Площадь не группировалась, и проход заливали бетонными смесями. Неокрепшие умы доставали ложки и разносили всё, что выливалось, себе на участок. Так и пролетало ожидание, как карточные фокусы в заурядном устройстве. Только палки иногда меняли цвет и выстраивались по порядку.

Таксист уже открывал форточки, когда Вухечип принял окончательные разрешения. И грозные головные уборы составили целую палитру круглых обоев. Проход был уже недотягаем атласу, и указка начала прожигать тёмные участки.

Шутка приобрела масштаб вселенской печали. Дом был близок, но дотянуться до яблока могли лишь избранные авторы. Мероприятия заканчивались, эффект оставался на месте. Замены быть не могло, и Вухечип это понимал. Перебирая брелоки ногами, он удобнее устраивался в месте своего нахождения и рассматривал мелкий шрифт. Нагрев становился по разработанным нормам довольно приличного размера, а знакомая соседка не могла найти морозилку для балкона с температурой зимних ночей. Решение о помощи каждый принимал самостоятельно и устраивал запросы выше своей оценки. Ярлык, выбросившись в урну, накопил целую корзину компостеров. Так шла вторая минута, третья стояла в очереди. Как только вода омыла корпус, появились линии белых начинаний, и приходилось доставать оранжевую

ёмкость. Замок вечно заедал, но второго карателя ждать было сомнительным подходом. В голову напекло птичьих проблем, и цветы сохли под десятками литров обещаний. Жизнь шла медленной походкой этого начинания.

Вухечип встряхнул голову, освобождая щёки для новых приключений. Столько необдуманных нарядов он ещё не видел, но обязательно бы посмотрел, если не бесплатная газета. Ими он и загорелся заниматься в старости. Это заведение было избранным местом задержанных вдохновений. А в общем итоге данный скворечник так и остался его пристанищем на долгие дни вперед, пока гантели не зацвели новыми ароматами.

Агент на крыше

Синий двухэтажный жилой дом рос на нижней улице города. От остального города его отделял частокол и старый ржавый автомобиль. Люди здесь жили среднестатистические – половина бледные, половина загорелые. Были ещё жители, недовольные скоростью роста винограда, но их в статистику типография не принимала. За химическими постройками с передней части дома располагалась детская площадка с жидкой песочницей в центре. А с боковой стороны книжных лет стоял неработающий уже несколько столетий гараж с модной шерстяной крышей. Наверху данной постройки сидел человек в дурых брюках и вязаной кофте наизнанку и смотрел в картонный бинокль.

Внизу на песке сидело двое детей, делающих вид, что проводятся серьёзные раскопки. Под толстым слоем шоколада, где проходило данное мероприятие, были заложены кости механических монстров. Ребята пытались разыскать их, сдать на металлолом в музей и купить на вырученные деньги колпаки для автомобиля. Задача была серьёзная и музыкальная.

Каждые сорок семь секунд выходила их бабушка и стучала в гонг. Ноги у неё уже были не те, поэтому рот её не закрывался. Дети слышали звук удара и менялись местами. Это было очень важно, иначе могло развиваться косоглазие. День

сменялся облачными осадками и песок, на котором они проводили раскопки, иногда накрывало волнами. Это не мешало им в обед отдыхать от проблем и расписываться на стенах. Инструменты тоже неаккуратно были разложены в линию. Просеивая песок через чайные пакетики, они обязательно пускали на них лучи через стеклянную посуду. Если в данной субстанции находились чёрные подшипники, всю массу направляли на исследование в базу. Оторванная форточка от старого деревянного окна играла роль их приемной воспитательницы. Они нарядили её с утра в красивый костюм и дали ей трость из дешёвого рыхлого дерева. Иногда прерываясь на медитацию, дети раскрывали форточку вовнутрь и проветривали двор. До монстров нужно было копать глубоко, поэтому к финалу их могли отругать.

Агент сделал очередную пометку на стене и сменил мелок на другой цвет. Достав сухую корку, он раскрошил её вокруг себя и покормил синиц. Достаточно было взглянуть на него издали, и сразу становилось ясно, что он одинокий путник. Кожаный кошелек был пуст, и фотография набора инструментов давно затёрлась по краям. Агент напрягся в попытках придумать способ оперативного вызова такси. Оперативного анализа не хватало по причине того, что этот вид транспорта к тому времени ещё не изобрели, а пешком возвращаться в сквер было весело. Он достал картонный бинокль и настроил своё настроение на волну юмористического радио. Где-то внизу запели цыгане, и конь задремал. Отвлекало его от важ-

ной задачи все подряд. Подтянувшись за трубочкой, он обнаружил, что кофе давно остыло. Агент вызвал почтальона и купил у него свежую газету с анекдотами. Нужно было переждать время обеденного сна и выполнить задачу с серьёзным лицом. В газете как раз в этот день потеряли список задач, и знаний пришлось потратить в большом количестве на поиски. В ней же рисовали новость о неких похитителях мусора в парковых зонах и про странный запах в общественном транспорте. Статьи были жаркие и нарисованы чернилами редкого происхождения. Агент вырезал армейским ножом, интересные ему в фрагменты и подшил в альбом с памятными фотографиями на центральной странице. Пускать слезу взрослому специалисту было неудобно при детях, и он сделал вид, что ест попкорн.

К обеду раскопки прекратились, и эвакуатор закапывал яму большим якорем. Всех жителей первых этажей дома напротив эвакуировали на выставку экзотических рыб и планировали закончить работу за десять минут. После все закатали бетоном и пропустили колонну военной техники. Проезд данных автомобилей был целенаправленно проложен через песочницу, так как все были уставшие и голодные. Когда последнее транспортное средство пустила чёрные клубы пара в уходящий горизонт городских деревень, бетонную дорогу свернули в трубочку и положили на плечо работнику рынка, чтобы тот пошел её выбивать на старые задворки. Песок снова предоставили детям, и они начали всё с самого начала.

Раскладывать в этот раз инструменты для раскопок не было желания, и дети высыпали руками из кармана мелочь. Гонг так и продолжал звучать в отведённое ему время от ударов бабушки, привлекая заблудшие души в ресторан индийской кухни. Раньше его владелец открывал выставку на площадках для спортивных соревнований. Но выставку быстро унесло ветром, и он решил открыть заведение, где люди принимали пищу необычным способом. Агент как-то тоже зашёл в это заведение со спущенными штанами, и ему пришлось выпить, чтобы залить боль от утраты холодильника. Сразу же рассекретить его никто не смог, но подсказали про крышу, где он в настоящее время и расположился.

Он снова посмотрел на задачу детей и выписал показания. Стена уже вся была разукрашена посланиями древних цивилизаций. Вызвав умельцев из других стран, он сделал им выгодное предложение. Нужно было достроить стену, чтобы записи продолжились, и их хватило на неделю. Стройка началась незамедлительно, но совершенно в другом месте города. Там, конечно, не было ни крыши, ни тех, кто оставлял записи, но были другие магазины и въезд всегда загораживал продавец печенья.

Агент сорвал с ветки вишню и сморщился. Кислый вкус защекотал ему ступни. Он снял с себя сварочный шлем и посмотрел в отражение местных стен. Видно было плохо, а увеличивать он не умел. В этот самый миг его разбудил звук удара о крышу машины, старой сморщенной сливы. Бросавшего

звали по имени, но, кто он был, разбирать не хотелось. Агент перекатился на живот и стал наблюдать, как внизу просеивают песок дети. Он понимал, что до финала раскопок дотерпеть не смог бы, но задачу выполнить он успеет. Засунув руку в карман рубашки, он проверил, что предмет на месте. Оставалось ждать, а ожидание разбавлять острым соусом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.